

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Н. ЯРЦЕВА

КОНТРАСТИВНАЯ ГРАММАТИКА

953289

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

ПРЕДИСЛОВИЕ

Контрастивные исследования различных языков привлекают к себе все больше внимания в мировой лингвистике. Однако до сих пор нет единства взглядов о статусе этого раздела языкознания и даже о самом его наименовании. Употребляются термины «сопоставительная лингвистика», «контрастивная лингвистика», «конфронтативная лингвистика» и другие. В предлагаемой работе мы употребляем термин «контрастивная лингвистика» как наиболее традиционный и вместе с тем подчеркивающий то обстоятельство, что при сопоставлении исследуемых языков обращается особое внимание на их несходные, контрастные черты. Грамматический уровень языка избран как объект исследования потому, что в нем ярче всего проявляются типологические черты сопоставляемых языков, а будучи неизбежно связана с лексическими классами в каждом языке, грамматика позволяет поставить проблемы межуровневых отношений в языке.

Работа имеет теоретический характер и в силу этого использует материал языков, различных по своей типологической и генетической принадлежности. Это позволяет поставить вопрос о специфической методике контрастивного анализа, варьирующейся сообразно уровню языковой структуры, подлежащей контрастивному сравнению.

Глава первая

МЕСТО КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ СРЕДИ ДРУГИХ РАЗДЕЛОВ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

За последние два десятилетия появилось так много разнообразных исследований по проблемам контрастивной лингвистики, что по существу возникла новая отрасль языкознания. Тем не менее продолжают сноры по поводу места контрастивной лингвистики среди других филологических или, шире, гуманитарных дисциплин, применяемых в ней методов анализа материала языков, связи между теоретическими постулатами исследования и их применением на практике. Чаще всего контрастивные исследования связывают с задачами преподавания иностранных языков. Д. Болинджер в предисловии к книге Ди Пьетро «Языковые структуры в их контрастности» писал по этому поводу: «Контрастная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка знает и каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык мешает в определенных и предсказуемых случаях усвоению второго языка. Запас преподавательских ухищрений сводится главным образом к преодолению таких помех» (Болинджер — см. Di Pietro 1971, VII). Вместе с тем, по мнению Болинджера, задачи контрастивной лингвистики не ограничены целями преподавания иностранных языков. Контрастивные исследования помогают проникнуть в суть языковых процессов и глубже понять законы, управляющие этими процессами. Поэтому контрастивная лингвистика является той зоной, где пересекаются пути теории и практики.

Хорошо известно, какое большое значение придавал Л. В. Щерба сопоставительному изучению языков не только для усвоения иностранного языка, но и для лучшего понимания особенностей родного языка и проникновения в суть его структур (Щерба, 1947). По мере того, как множились контрастивные работы, расширялось и понимание их задач. «Хотя контрастивное исследование мотивируют главным образом необходимостью для преподавателя иностранных языков обнаружить области су-

щественных различий между тем языком, который он преподает, и родным языком учащегося, нельзя недоуचितывать важность контрастивного анализа как способа оценки постулатов и требований самой лингвистической теории» (Di Pietro 1971, I). Среди языковедов все больше укрепляется мнение, что контрастивная лингвистика как одна из частей языкознания должна обладать определенными теоретическими посылками и набором специфических методов исследования языкового материала, а ее практическое приложение зависит от области ее применения: преподавания чужого языка, перевода, в том числе и машинного и т. д.

Почему же, несмотря на включение контрастивной тематики в программы Международных конгрессов лингвистов (Болонья — 1972 г. и Вена — 1977 г.), не говоря уже о постоянном обсуждении вопросов контрастивного анализа языков на конференциях по прикладной лингвистике, объем самого понятия «контрастивности» продолжает оставаться столь же загадочным, что позволяет Оливеру Граннису в рецензии на книгу Э. Бургшмидта и Д. Гётца «Контрастивная немецко-английская лингвистика. Теория и применение» не без ехидства заметить: «Контрастивное языкознание в семидесятые годы немножко походит на чудовище озера Нох Несс; многие никогда в него не верили, многие, кто когда-то в него верил, стали сомневаться в его существовании, в то время как те, кто продолжает в него верить или по тем или иным соображениям принужден притворяться, что они в него верят, готовы вложить массу денег и времени для того, чтобы их вера обрела плоть и кровь. А самое существенное, что даже те, кто утверждает, что верит в него, либо вовсе никогда его не видели, либо сквозь туман видели в лучшем случае только один загадочный кусочек» (Grannis: Anglia 1978, 180). Свой скептицизм автор вышеупомянутой рецензии обосновывает тем соображением, что за последние годы не наблюдается особого продвижения по углубленной разработке конкретного материала методами контрастивного анализа.

Г. Никкель справедливо пишет, что контрастивная лингвистика как особая отрасль науки о языке возникла сравнительно недавно, но не потому, что нова сама идея подобного сопоставления языков, а скорее потому, что наблюдения над сходством и различием языков в контрастивном плане были недавно систематизированы (Nickel

1971, 2). Историки языкознания обычно высказывают мнение, что поворотным пунктом для развития контрастивных исследований явилась публикация работы Роберта Ладо в 1957 г. «Лингвистика сквозь призму культур» (Lado 1957), в значительной мере основанной на идее Ч. Фриза относительно лингвистических основ преподавания английского языка. Ч. Фриз писал: «Наиболее эффективны те материалы, которые основаны на научном описании изучаемого языка с тщательным сравнением с результатами параллельного описания родного языка учащегося» (Fries 1945, 9).

Связь развития контрастивных исследований с прогрессом в области преподавания иностранных языков несомненна, однако в хронологию этого развития следует внести серьезные поправки. Л. В. Щерба, говоря об общеобразовательном значении преподавания иностранных языков, не только наметил некоторые принципы контрастивного сравнения языков, но, что гораздо важнее, показал необходимость двустороннего сравнения языков: как иностранного с родным, так и родного с иностранным. Этот подход обеспечил подлинно лингвистический и не формальный, а содержательный метод сравнения материала двух или нескольких языков, что нашло свое отражение в лексикографических работах Л. В. Щербы (Щерба 1939).

В настоящее время большое количество проектов по контрастивному исследованию языков осуществляется в различных странах. Например, польско-английский в Польше (г. Познань), сербохорватско-английский в Югославии (г. Загреб), румынско-английский в Румынии (г. Бухарест), немецко-английский в ФРГ (г. Штутгарт), а также немецко-испанский и немецко-японский в Институте немецкого языка в г. Маннгейме и многие другие. Следует также отметить издающийся с 1978 г. в Болгарии специальный журнал «Съпоставително езикознание». Нет возможности их перечислить в настоящей книге и тем более дать анализ подобных проектов. Заметим, что многие из этих проектов имеют определенную педагогическую направленность и должны в результате дать рекомендации для улучшения преподавания иностранного языка. Это, разумеется, не означает, что доля теоретических устремлений в подобных работах снижается, тем более, что большинство этих проектов «окружено» целой серией разработок по отдельным участкам контрастивного сопо-

ставления двух языков, как это имеет место, например, при осуществлении работ по венгерско-французскому и венгерско-английскому проектам в Венгрии, однако указанное выше обстоятельство предопределяет сам путь анализа языкового материала — от исходного языка (starting basic language) к языку, усваиваемому учащимися (target language).

Руководитель сербохорватско-английского проекта, проф. Р. Филипович писал: «Контрастивный анализ является попыткой предсказать и выяснить реакции учащихся в определенных ситуациях. Знание учащимся исходного языка (source language) сказывается на изучении языка, служащего целью (target language, т. е. того языка, который является предметом усвоения.— В. Я.). Там, где структуры языка исходного и языка цели совпадают формально и семантически, процесс усвоения облегчается, а там, где они различны, процесс усвоения будет тормозиться» (Filipović 1971, 107). Следовательно, целевая установка вышеуказанного югославского проекта совершенно ясна, а для его осуществления было предусмотрено: а) систематическое описание всех сходств и различий, которые существуют между двумя языками на уровнях фонологии, синтаксиса, морфологии (включая словообразование), лексики; б) при анализе уровней синтаксиса и морфологии описывались сперва английские структуры; в) параллельно (в связи с проектом) осуществлялись и публиковались индивидуальные разработки отдельных вопросов строя указанных двух языков; г) корпус английского материала обрабатывался с широким применением компьютера. Авторы проекта предполагали, что его осуществление не только приведет к улучшению преподавания английского языка в Югославии, но поможет также изучению сербохорватского в Англии и в США (Filipović 1971, 108—110).

Вышеупомянутые работы по сопоставлению языков изучаемого и родного для учащегося при всей своей связи с областями методики и педагогики возбуждают вопрос: если достижения контрастивной лингвистики могут служить практике преподавания языков, то существует ли «обратная связь», т. е. такие наблюдения, зафиксированные на основании опыта преподавателя, которые окажутся полезными для теоретической контрастивной грамматики. Один ответ напрашивается сам собой: нужды практики могут стимулировать научный поиск в опреде-

лепном направлении. Однако это положение, общее для всех дисциплин в области языкознания, имеющего дело с активной речевой деятельностью человека, обладает некоторой спецификой. Наблюдения над трудностями в усвоении тех или иных конструкций изучаемого языка дают повод для выяснения, какие именно черты родного и иностранного языков не накладываются друг на друга и в какой области — структурной или семантико-функциональной — лежат их расхождения. Методическая сторона «грамматики ошибок» находится вне лингвистики, психолингвистические аспекты этой проблемы лежат на границе собственно лингвистики и психологии и, наконец, структурные, функциональные, синонимические отличия конструкций, затруднительных для усвоения, должны в первую очередь привлекать внимание лингвистов.

Прав Г. Никкель, когда пишет, что «очевидные различия в системе правил различных языков всегда вызвали интерес у грамматистов. Достаточно вспомнить типичные главы в грамматиках английского языка, написанных для немцев: „герундий“, „винительный с инфинитивом“, „именительный с инфинитивом“, „длительная форма глаголов“, „составные глаголы“ (Phrasal Verbs) и так далее» (Nickel 1971, 11). Иными словами, в первую очередь привлекает внимание то, чего нет в немецком языке или что по сравнению с английским (как, например, «винительный с инфинитивом») имеет иные показатели частотности употребления и условия сочетаемости.

Особый лингвистический интерес представляют те случаи (источник многих трудностей для иностранцев и повод для ошибок), когда структурные аналоги в двух языках не имеют стопроцентного использования данной модели в одном из сравниваемых языков. В качестве примера Никкель приводит синтаксическое употребление таких английских глаголов, как *drown, feed, grow, hide, seat, see, show, sleep* и им подобных, имеющих свои этимологические аналоги в немецком языке. Для существительных с локативным значением позиция и функция подлежащего, вполне допустимая в английском, необычна для немецкого языка. Кроме того, для отдельных глаголов данной группы существуют свои ограничения. Так, глаголы *seat* и *sleep* допускают начальное положение существительного — подлежащего с локативным значением только при наличии количественного показателя у объекта; англ. *This aircraft seats 100 people* — нем. *In diesem*

Flugzeug können 100 Personen Platz finden 'В этом самолете могут разместиться 100 человек' = 'Этот самолет вмещает 100 человек'; англ. This tent sleeps four people — нем. In diesem Zelt können vier Personen schlafen 'В этой палатке могут спать четыре человека' (Nickel 1971, 14). Именно случаи подобного рода, по всей вероятности, должны привлекать внимание специалистов по контрастивной грамматике. Однако для анализа сходств и различий между языками необходимо прежде всего уточнить само содержание этих понятий.

По-видимому, сравнение языков плодотворно лишь при наличии хотя бы одного сходного элемента их структуры. Мало пользы от сравнительного изучения в том случае, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы ни в чем не имеют сходства. Однако при изучении языков сравнение явлений, для них типичных, может базироваться на сходстве разного рода. В начале XIX в. было отмечено сходство генетическое, т. е. сходство материала, объясняемое общностью происхождения этого материала. Поэтому исследования базировались на сравнении родственных языков и в какой-то мере на сравнении элементов, заимствованных в данном языке с их первоисточником. Если сравнительно-историческое языкознание оперирует общностью материала сравниваемых языков, прослеживая их историю, то вполне возможно и сопоставительно-историческое исследование. Тенденции, заложенные в прошлом языка, принадлежащего к той или иной генетической группировке, по-разному реализуются в результате специфических условий его развития. Для контрастивной лингвистики при концентрации внимания на синхронном срезе языка генетическое родство сопоставляемых языков может иметь известное значение (как будет показано ниже) для определения наиболее вероятных участков схождений и расхождений.

Второй тип сходства можно было бы назвать сходством функциональным, т. е. наличием общего в самом типе передачи того или иного грамматического значения. Такого рода функциональное сходство не обязательно связано с генетическим родством. В самых различных языках (английском и казахском, тунгусском и французском) для передачи длежащего действия используются в качестве связок глаголы движения (*ходить* и ему подобные) или покоя (*лежать* и ему подобные), а для пере-

дачи наступающего действия — глагол движения или становления (ср. близкое будущее во французском языке с глаголом *aller* и в английском языке с глаголом *to go*).

Для передачи агенса действия в самых различных по строю языках применяются пространственные по своему начальному значению предлоги, такие, как *через*, *от* и *около*. Третий тип сходства можно было бы назвать сходством элементов структуры или приемов передачи грамматических значений. При анализе языкового материала приходится учитывать различия в строе языка, когда сопоставляется не флективный язык с флективным, а флективный язык с инкорпорирующим или флективный язык с языком корневого (изолирующего) типа.

Вышеуказанные отличия в характере сходства между языками приходится иметь в виду, поскольку при сопоставлении языков могут встретиться самые различные случаи комбинаций этих типов сходств. При сопоставлении систем глагольных времен в английском и немецком, где оба языка широко используют как флективные, так и аналитические формы, разность для элементов структурных проявляется только в количественном, но не в качественном отношении, а при сопоставлении в тех же языках системы существительного дает себя чувствовать само отличие в падежных отношениях, так как при четырехпадежной системе немецкого языка английский язык имеет лишь два падежа. С другой стороны, при отсутствии непосредственно генетического родства между английским и французским языками формы передачи отношений существительного к другим словам в предложении оказываются близкими (общий падеж и наличие предлога). Следовательно, сходство элементов структуры языка не полностью зависит от родства языков.

При сравнении языков невозможно сопоставлять одновременно все языковые факты, ибо специфика каждой из сторон языка требует особого к ним подхода. Разными свойствами обладает звуковая сторона, сторона лексическая и грамматическая структура языка. Учет специфики строения уровней языка важен для определения самой базы, на которой ведется сравнение языкового материала, а также выбора того, что можно было бы условно назвать «единицей измерения». Многие трудности, связанные с применением сопоставительного метода при исследовании языков, проистекали от того, что недостаточ-

но продуманно выбиралась сама отправная точка исследования.

Безусловно, детальная разработка специфических черт различных уровней языковой структуры, осуществляемая лингвистами различных стран, в последние годы должна была помочь в продвижении контрастивных исследований. Казалось бы, что наиболее благоприятные обстоятельства могли сложиться для исследований в области лексики, так как в известной мере все составители двуязычных словарей были вынуждены задумываться над сходными и различными оттенками в значениях регистрируемых слов. Однако, как это ни странно, именно в области контрастивной лексикологии крупных достижений в области теории незаметно. Некоторые лингвисты объясняют это известной аморфностью лексического уровня и недостаточной его «структурированностью». Пам, однако, кажется, что обилие двуязычных словарей мало помогло продвижению контрастивных работ в области лексики потому, что сами эти словари не всегда строились сообразно тем принципам двустороннего семантического анализа, о которых неоднократно писал Л. В. Щерба. Приведем в качестве иллюстрации один из дававшихся им сопоставительно-семантических разборов слов, сходных по своим значениям.

«Русским прилагательным *твердый, жесткий, жестокий, свирепый* отвечают французские *dur, cruel, féroce* и немецкие *hart, grausam, wütend*. Однако соотношения между отдельными языками далеко не простые: если можно сказать русскому человеку, что *твердый* и *жесткий* следует переводить на французский через *dur*, а на немецкий через *hart*, а *жестокий* и *свирепый* — через немецкое *grausam* (*свирепый* также через *wütend*), по-французски же первое через *cruel*, а второе через *féroce*, то научить француза или немца русскому словоупотреблению — дело довольно трудное... По-немецки *dick* и *dünn* не только ‘толстый’ и ‘тонкий’, но и ‘густой’ и ‘негустой’ (однако *жидкий* будет *flüssig* ‘текущий’). По-французски *тонкий* (в обхвате) будет *fin*, а *тонкий* (в одном измерении) — *mince*. Первое дальше имеет значение ‘стройный’, ‘изящный’, ‘острый’ (об игле), ‘проницательный’; второе — ‘незначительный’, ‘малый’. Примеры можно приводить без конца: каждое слово в сущности дает повод к целой диссертации, особенно если обратиться к словам отвлеченным» (Щерба 1947, 69; 45).

Необходимость держать в поле зрения материал обоих сравниваемых языков, обращать особое внимание на распределение круга близких значений в группах слов, как бы в «малых» системах, определять функционально семантическую сторону вариантов значения — в общем все то, о чем писал Л. В. Щерба, имеет, по нашему мнению, первостепенное значение не только для уровня лексики, но и для плодотворного исследования грамматической системы языка. Как мы уже говорили выше, нет сомнения в том, что специфика материала каждого уровня языковой системы влечет за собой дополнительные задачи, требующие особых решений, но некоторые общие теоретико-методологические принципы должны вырабатываться как единая база контрастивных исследований. Именно поэтому контрастивная лингвистика, являясь одной из областей языкознания, основывается на общих принципах теории языка, а по ряду отдельных разрабатываемых в ней проблем связана с такими разделами науки о языке, как типология, психолингвистика, социолингвистика и, как указывалось выше, в известной мере должна учитывать генетическую принадлежность сопоставляемых языков.

Контрастивная лингвистика, имея дело с языками различной типологической принадлежности, не может не касаться вопросов, относящихся к области общей типологии. Некоторые лингвисты сближают эти оба вида исследований, но, по нашему мнению, во многих случаях, используя материалы типологического изучения языков, контрастивная лингвистика и в первую очередь контрастивная грамматика имеет свои задачи и свою четкую отграниченную зону исследований. Но каковы соприкасающиеся зоны типологической и контрастивной грамматики и что полезного для контрастивных работ можно почерпнуть из современных типологических изысканий?

Системный подход к явлениям языка внес новые идеи в типологические исследования, выразившиеся в убеждении лингвистов, что сопоставление отдельных форм в двух языках малоинформативно, так как при подобном методе можно лишь констатировать, что какие-то формы совпадают, а какие-то расходятся. Поэтому большинство языковедов пришло к решению, что следует ориентироваться на категориальные явления, имеющие принципиальное значение для системы языка. Характер передачи грамматических значений должен учитываться при

анализе языка, по, решая вопрос о языковом типе той или иной группы языков, приходится обращаться к более глубинным формам их категоризации. Иначе говоря, надо учитывать не только формальные языковые приемы, но в первую очередь существующее в языке выделение лексико-грамматических разрядов (частей речи), связи между ними, передачу субъектно-объектных отношений, тип пространственных и временных характеристик действия и тому подобные явления.

Естественно, что решая вопрос о типологической принадлежности того или иного языка, приходится оперировать понятием языкового типа. К сожалению, содержание термина «языковой тип», неоднократно обсуждавшееся в лингвистической литературе последних десятилетий, не имеет еще однозначного решения. Первый из возникающих здесь вопросов касается проблемы отношения в языке формы и содержания. Представляет ли собой «языковой тип» категорию чисто структурную или он связан с содержательными сторонами языка и их семантическими параметрами? Этот вопрос можно сформулировать иначе: сказывается ли специфика типа языка на характере моделирования и отражения в языке понятийного восприятия человеческим коллективом реальной окружающей действительности?

По нашему мнению, языковой тип представляет собой определенную форму организации понятийного содержания языка. При выделении языкового типа с его дистриктивными признаками лучше было бы использовать одноуровневые явления языка, хотя вследствие целостности языковой системы черты одного уровня должны коррелировать со строением других уровней. Например, категориальное объединение признака и предмета-носителя этого признака, т. е. невыделение самостоятельного лексико-грамматического разряда прилагательных должно сказываться в синтаксических построениях атрибутивных и предикативных комплексов. При любом лингвистическом исследовании приходится учитывать особенности строения системы языка. Поэтому возникает вопрос, в какой мере специфика различных сторон языка (т. е. характер его уровневой структуры) должна быть учтена при определении языкового типа. Для контрастивных работ эта проблема имеет особое значение. Следует ли избирать только наиболее структурированные участки языка, например, его фонологическую или морфонологическую си-

стему или все уровни языка должны участвовать в определении языкового типа. Последний вопрос может быть представлен в плане решения проблемы взаимосвязи и взаимозависимости различных уровней языка. Если считать каждый язык образцовой системой, отдельные части которой коррелируют между собой, то, очевидно, следует искать те единые межуровневые параметры, которые определяют данный языковой тип. Однако ни один язык не представляет собой стройного целого хотя бы потому, что в любом синхронном срезе содержатся элементы нарождающиеся и элементы отмирающие, которые, «вписываясь» в систему языка, тем не менее придают ей неповторимое своеобразие. Последнее особенно ощутимо при сопоставлении одноуровневых пластов структуры различных языков.

Взаимосвязанность различных уровней языка имеет прямое отношение к методике выделения языковых типов, так как возникает вопрос, может ли какая-либо черта, специфическая для одного уровня данного языка, отражаться в строении другого уровня этого же языка. Заметим, что подобное отражение предполагает четкие внутрисистемные связи для каждого уровня. Другой аспект влияния «теории уровней» на задачу выделения языковых типов заключается в передаче близких значений средствами разных уровней. Каждому, кто приступает к контрастивному исследованию грамматического строя двух языков, сразу бросается в глаза тот факт, что понятия, передаваемые в одном языке средствами морфологии, в другом языке частично выходят за рамки морфологии в области синтаксиса словосочетания и предложения. Труднорешимая проблема состоит в том, что каждый уровень языковой системы обладает набором различных средств или форм передачи значений. Какие же из подобных средств релевантны по отношению к языковым значениям, какие являются сигналом того, что сами эти значения имеют другое качество? Или, может быть, все средства передачи грамматических категорий языка не безразлично употребляются в языке, а в каждом случае симптоматичны для какой-то новой модуляции языкового значения.

Приятие второй точки зрения чревато опасностью представить многообразие языков мира как несводимое множество, что привело бы не только к отрицанию возможности классифицировать языки, но и поставило бы

под сомнение возможность их сопоставительного описания. Если исходить из предположения, что необходимо брать для описания прежде всего функционально значимые области языковых структур, то на первый план сразу выдвигается предложение как коммуникативно высшая часть строя языка. Реализуя в своей структуре такие важные категории, как предикативность описываемого действия или состояния, отношение субъекта и объекта действия, категорию лица и так далее, предложение, казалось бы, отвечает требованию подхода к типологическим единицам как необходимому объединению содержательных и формальных признаков. Однако лингвисты не единодушны в своем признании за предложением статуса единицы языка.

Синтаксис, как тесно связанный с понятийными и логическими категориями, неоднократно служил базой для типологических изысканий. Выдвижение на первый план синтаксиса как исходной базы для исследования и классификации языковых типов в работах И. И. Мещанинова, объяснялось его постоянным стремлением проникнуть в содержательную сторону языка. В целом это шло в русле проблемы отношения языка и мышления, всегда привлекавшей к себе внимание советских лингвистов. В историческом плане многие преобразования в морфологии действительно начинаются при употреблении тех или иных морфологических форм в рамках синтаксических конструкций. Содержательная сторона морфологических парадигм раскрывается или при их противопоставлении в целостной морфологической системе или при мене отдельных форм данного морфологического ряда в однородных синтаксических структурах. Однако взаимозависимость фактов морфологии и фактов синтаксиса неоднократно отмечалась в лингвистической науке. Вопрос об изначальной базе подобных явлений решался по-разному. Иногда указывали на то, что известная «ущербность» морфологической структуры языка, наблюдаемая, например, в языках аналитического строя, компенсируется в плане передачи грамматических значений синтаксическими приемами, например, твердым порядком слов. Иногда, наоборот, в синтаксисе видели ту среду, которая генерирует новые морфологические явления, используя в качестве членов предложения те или иные разряды лексем.

Безусловно, специфика структурной организации дап-

ного языка сказывается на формах взаимозависимости морфологии и синтаксиса и на способах выражения грамматических значений в морфологической парадигматике или в синтаксических моделях, однако изменения и взаимозависимости в строе языка очень сложны. Если представляется методически удобным брать для характеристики языкового типа наиболее строгие и формализованные модели, находящиеся в грамматике, то вместе с тем нельзя не учитывать, что даже столь «рыхлая» область языка, как лексика, связана в отдельных своих участках с грамматическим строем языка и не может быть исключена при определении языковых типов. Определенные лексико-семантические структурные группы имеют связь с грамматическими построениями и даже воздействуют на них. Ближе всего к этому вопросу современная лингвистика подошла при анализе связи лексических подгрупп глаголов с определенными синтаксическими построениями. Не только грамматические понятия, подобные переходности—непереходности глагола, но и семантические группы типа глаголов речи, чувственного восприятия и т. п. во многих языках непосредственно связаны с выбором различных грамматических моделей.

Неоднократно указывалось, что в современной лингвистике проблемы типологии языков разрабатываются в связи с теорией языковых универсалий. Последняя сопрягается с задачей выделения языковых типов в первую очередь по линии иерархии универсалий. Если допустить, что определенные универсалии взаимозависимы, то ясно, что при определении языкового типа было бы удобно брать некий набор «ключевых» универсалий, которые подразумевали бы существование других, с ними связанных. Для определения наличных универсалий чаще всего лингвисты берут какое-либо понятие, с необходимостью отражаемое в языке, и рассматривают те средства, которыми различные языки мира выражают его в своих грамматических или лексико-грамматических системах. Понятия принадлежности, времени, пространственных отношений и категории числа неоднократно служили предметом подобных изысканий. Нет сомнений в полезности таких последовательных работ. Демонстрация конкретного материала нескольких десятков, а то и сотен различных языков, поданная на основании определенных принципов отбора и обобщения, сама по себе представляет ценность для науки.

Однако необходимо указать на две опасности, возникающие при применении вышеуказанного метода поиска языковых универсалий. Первая — это опасность искать нечто уже заранее данное и возникающее отсюда неизбежное стремление найти искомое без учета всех реально сопутствующих обстоятельств существования и функционирования данного языка. В итоге работа часто сводилась к демонстрации и перечислению тех средств и формальных приемов, которыми в данном языке передается понятие, запланированное для поиска. Таким образом, может оказаться, что вместо выявления содержательных «глубинных» черт той или иной универсалии во всем богатстве ее многосторонних связей со специфическими типологическими характеристиками ряда языков мы получим обедненный и схематический коптур категории, «удобной» лишь в том отношении, что по причине своей абстрактности это действительно может быть приложимо ко всем и к любому языку.

Вторая серьезная опасность — это изоляция лексического или грамматического явления и оценка его вне его связей в системе сопредельных категориальных значений. Когда лингвист рассматривает передачу понятия будущего времени, исходя из предположения, что в языке должна существовать какая-то форма выражения подобной универсальной категории и регистрирует все возможные средства ее выражения в данном языке, он не в состоянии учесть, что в каждом отдельном случае связи этого категориального значения могут находиться в различных комбинациях с другими категориями языка. Изоляция какого-либо явления в целях удобства его изучения — один из частых и оправданных методических приемов научного исследования. Но на характеристике будущего времени как категории языка скажется тот факт, что в одном языке эта категория соседствует с категориями пространственной характеристики действия, его видового содержания, а в иных случаях опирается на систему модальных характеристик действия и в некоторых языках оказывается в какой-то мере слитой с категорией и формами выражения наклонений. Именно такие конкретные черты определяют типологию языковых структур и поэтому даже при использовании только имплицативных универсалий для характеристики языковых типов лингвисту приходится быть очень осторожным в своих обобщениях.

В недостаточной мере подвергалась изучению в современной лингвистике проблема связи универсалий в плане решения вопроса о градации самих понятийных категорий по степени их важности для овладения человеческим сознанием реальных явлений окружающей действительности. Между тем, если подходить к универсалиям как содержательным категориям языка, важно решить не только в историко-гносеологическом, но и в синхронно-функциональном плане вопрос о том, которые из универсалий являются более всеобъемлющими, а которые частными или вторичными. Данная проблема стоит, по-видимому, на грани лингвистики и психологии, однако ее решение имеет первоочередное значение для правильной ориентации лингвистических исследований. Для контрастивной лингвистики связь с теорией универсалий осуществляется в известной мере через общую типологию, достижения которой в изучении строя языков различной типологической принадлежности и определения более универсальных и более частных значений, выражаемых языковыми типами, могут быть очень полезными.

Языковой тип должен быть выделен по основным, а не побочным типологическим приметам, поэтому формальное и семантическое варьирование, наблюдаемое в системе языка, должно учитываться в типологических исследованиях (см. подробнее: Ярцева 1980). В пределах частных систем языка взаимопроникновение грамматических значений создает для разных языков конфигурации, совпадающие по своим общим контурам, но не совпадающие по внутреннему членению. Вместе с тем «расчлененность» того или иного понятия сама по себе, как мы полагаем, еще не создает особого языкового типа, хотя, несомненно, представляет интерес для описания языка. В лингвистической науке детализация пространственных отношений (так же как и переосмысление элементов, раньше служивших для выражения пространственных отношений, а впоследствии приобретающих другие функции) была объектом многочисленных работ.

При сопоставлении однопорядковых категорий в различных языках возникает вопрос, создает ли дробность какой-либо грамматической категории ее новое качество. В глаголе одних языков имеется два наклонения — изъявительное и сослагательное — в других языках насчитывается восемь—десять и больше наклонений глагола. Чаще всего подобное «разрастание» идет за счет наклонений

ирреальности; в именных классах одних языков выражены только два числа — единственное и множественное — в других языках существуют конкретизированные формы множественного — двойственное, тройственное с подразделением на инклюзивные и эксклюзивные формы. Если вышеприведенные и им подобные явления будут считаться вариантами одной и той же грамматической категории, то как определить тот «порог», который отделяет варианты от качественных преобразований? По нашему мнению, дробность однопорядковых категорий имеет для типологического сравнения языков меньшее значение, чем различия в моделировании в языке комплексов связанных понятий.

Более существенным для контрастивной грамматики является исследование синкретизма грамматических значений и различные формы объединения близких по смыслу понятий в пределах одних и тех же грамматических рядов. Отдельные исследования такого рода проводились чаще всего в области глагольных категорий. Сошлемся на материалы одной из подобных работ (Haarman 1976, 70—73). Характеризуя глагольную систему современных европейских языков с типологической точки зрения, Хаарман берет сочетание таких грамматических корреляций, как время, вид, способы действия, модальность, которые в совокупности конструируют парадигму глагола. Грамматизованное выражение времени выделяется в любом языке как основная оппозиция. Следующая система, обозначаемая Хаарманом как глагольная система с грамматизованным временем и грамматизованным видом (*Aspekt*), имеет ту особенность, что в языках, ею обладающих, помимо времени в парадигматике выделена и видовая оппозиция. Вместе с тем не существует такого языка, который, имея грамматизованный вид, не имел бы временных оппозиций. Из этого следует, что грамматизованный вид не выступает изолированно в глагольной форме, но всегда в сочетании со значением времени. В языках возможно такое сочетание, которое автор называет «глагольной системой с грамматическим временем и рудиментарной видовой оппозицией». Этот тип он усматривает в современных романских языках. Все романские языки (за исключением румынского) используют вневременную (атемпоральную) оппозицию двух форм претерита. Возможны усложненные оппозиции (время — модальность — способ действия), которые Хаарман находит в глагольных

системах некоторых тюркских (гагаузский, татарский, башкирский) и финно-угорских (удмуртский, марийский). Мне представляется, однако, что единичной, хотя и важной части речи с ее категориями еще не достаточно для выделения языкового типа. Вместе с тем при осуществлении частных исследований подобные материалы служат одной из ступенек познания системы языка.

Если считать, что контрастивная грамматика служит выделению и сопоставлению «особого на базе сходного», то создается впечатление, что исследования типологического характера могут дать материалы по выявлению сходных черт в сопоставляемых языках. Любой лингвист, приступающий к контрастивному описанию двух языков должен отчетливо осознать, что же является общим для сопоставляемых языков в плане структурном или в плане семантическом: в противном случае не только утратится вся сложная картина системных связей внутри каждого из исследуемых языков, но и выявление черт несходства у сравниваемых языков сведется к перечню разрозненных «раритетов». Даже не будучи универсалиями в общепринятом смысле этого термина, есть немало явлений, которые характеризуют те или иные грамматические категории, независимо от того, использованы ли в них материал родственных или не родственных языков. Примером может служить категория будущего времени, исследованная Р. Ултаном в пятидесяти языках, очень различных по грамматическому строю и по своей генетической принадлежности (Ultan 1972).

Даже беглое ознакомление с формой и функцией показателей будущего времени приводит к заключению, что будущее время глагола больше маркировано, чем настоящее или прошедшее. По мнению Ултана, глагольным временем следует называть любую грамматическую форму (использующую частицы, аффиксы, служебные слова и т. п.), основной функцией которой является выражение времени момента речи. Оставляя в стороне вневременное употребление глагольных форм (например, констатацию общих истин типа «вода кипит при 100° по Цельсию») и обращаясь к основным делениям (прошедшее — настоящее — будущее) обнаруживаем отчетливую асимметрию между показателями будущего времени, с одной стороны, и показателями для прошедшего и настоящего, с другой. Чаще всего подобная асимметрия проявляется при сравнении форм будущего и прошедше-

го, поскольку настоящее время иногда вообще не отмечено (т. е. не маркировано). Например, в английском языке обычным способом оформления прошедшего времени служит суффикс в противоположность вспомогательным глаголам (т. е. служебным элементам) у будущего времени. Подобное же правило действует и в других германских языках (например, нидерландском, немецком, шведском), а также для таких языков, как русский (для несовершенного вида), сомали, такелма.

Это же явление можно отметить для финского и венгерского с той оговоркой, что в этих языках вспомогательный глагол у будущего времени обычно опускается в разговорном языке. В басса настоящее время и три разряда прошедшего времени оформляются присоединением поствербальных частиц в противоположность будущему времени, оформляемому превербальной частицей или одним из двух вспомогательных глаголов (*приходить* или *идти*). В тагалогском языке настоящее и прошедшее обычно отмечено префиксами, форма неопределенного будущего образуется путем препозитивного присоединения вспомогательного глагола (*хотеть*) к основе настоящего времени. В современном греческом языке прошедшие времена отмечены суффиксами и префиксами, а будущее время вспомогательными глаголами (*хотеть, желать*) плюс основа настоящего времени.

Кроме описанных выше и весьма типичных случаев перифрастических форм будущего времени есть и иные типы асимметрии между глагольными временами. Так, в языке хупа простое прошедшее образуется с изменением фонетического облика корня (удлинение и перепос ударения), а оба типа будущего времени — с использованием суффиксации. В квакьютл показатели прошедшего времени могут присоединяться к основе как суффиксы, либо существовать в виде энклитик, а будущее время характеризуется исключительно энклитичностью. В таких языках, как дакота и виннебаго будущее время отмечено суффиксом, а все нефутуральные формы не маркированы.

Ултан делает оговорку, что в языках, обладающих более дробными подразделениями глагольных времен, чем простое деление на прошедшее, настоящее и будущее, могут быть более сложные взаимоотношения между маркированными формами. Известно, например, что в гуарани прошедшее подразделяется на недавнее, общее и отдаленное и все три типа отмечены различными пост-

вербальными частицами, а в луораветланском (чукотском) специалисты насчитывают в изъявительном наклонении шесть времен: 2 настоящих (I и II), 2 прошедших (I и II) и 2 будущих (I и II). Формы времен I выражают предельность действия, формы времен II выражают неопределенность действия. Так как для морфологии чукотского языка характерна богато развитая суффиксально-префиксальная агглютинация (*ты-чейв-ыркын* 'иду') и при этом наряду со словами в языке функционируют инкорпоративные и аналитические комплексы, то глагольная парадигма дает сложную картину морфологически отмеченных форм с перекрестными синонимическими совпадениями (например, в случае суффикса будущего II — *ркын*, характеризующего все лица единственного числа и первое лицо множественного (Скорник 1968, 261—262). Как бы то ни было, материалы, подобные вышеприведенным, заставляют учитывать типологические черты сходства и различия глагольных систем сопоставляемых языков. Возвращаясь к вышеизбранному примеру категории будущего времени, следует заметить, что Ултан совершенно прав, говоря, что в плане семантики категория будущего времени чаще всего сочетается с понятиями либо модальности, либо вида, либо целевой ориентировки действия (Ултан 1972, 76).

Что же из типологических разработок, подобных вышеприведенной, может извлечь для себя лингвист, занимающийся контрастивным сравнением двух языков? Так как контрастивное исследование должно сочетать анализ формальный с анализом семантическим, то ясно, что при сравнении языков, имеющих структурную и семантическую общность в области той или иной категории, внимание исследователя обращено на сопоставление функциональных оттенков, возникающих в различных контекстах и могущих привести к расхождениям в сравниваемых языках в жанрово-стилистическом или в каком-либо другом отношении. Если же сопоставляемые языки в той или иной области их грамматического строя принадлежат к типологически различным «малым» универсалиям, то при сравнении форм однопорядковых в одном отношении синонимические корреляты в каждом из сопоставляемых языков оказываются иногда столь различными, что для полноты анализа приходится брать большие текстовые отрезки.

Простейшей иллюстрацией для последнего тезиса

могут быть случаи сравнения языков, имеющих или не имеющих дробные подразделения для прошедшего времени глаголов. Когда сравниваются русский и современный венгерский языки, то в отношении категории прошедшего времени глагольные формы двух языков «накладываются» друг на друга. Парадигматические расхождения проявляются в других планах: безобъектного и объектного спряжения в венгерском, осложненностью глагола русского языка противопоставлением вида совершенного и несовершенного. Однако если в сопоставление вовлекаются материалы языка гуарани с его подразделением на прошедшее недавнее, общее и отдаленное, то соотносительность глагольных форм гуарани и русского или гуарани и венгерского оказывается совсем иной и может в некоторых случаях для достижения семантической адекватности потребовать вовлечения элементов другого уровня, например, уровня лексики. Поэтому, имея различные цели и приемы исследования, области типологии и контрастивной грамматики пограничны, и достижения типологии, безусловно, помогают продвижению контрастивных исследований (Dezsö 1975).

Как явствовало из всего изложенного выше, теория универсалий с известными оговорками может быть использована для контрастивных исследований. Прежде всего надо осознать, что удельный вес отдельных универсалий может оказаться для разных языков столь различным, что возникнет вопрос, где же тот ее «порог» или, иначе говоря, каков должен быть ее количественный показатель, чтобы признать ее существенной характеристикой для данного языка. Допуская разное по объему отражение той или иной универсалии в отдельных конкретных языках, мы неизбежно становимся на путь признания за универсалиями лишь частичного покрытия материала исследуемого языка. Некоторый выход из затруднений, возникающих при подобной оценке роли универсалий для нужд контрастивной лингвистики, может быть найден в «укрупнении» самих универсалий, т. е. отпеснения к этому понятию только очень объемных и общих категорий. В целом же идея общности языковых тенденций используется в контрастивных работах.

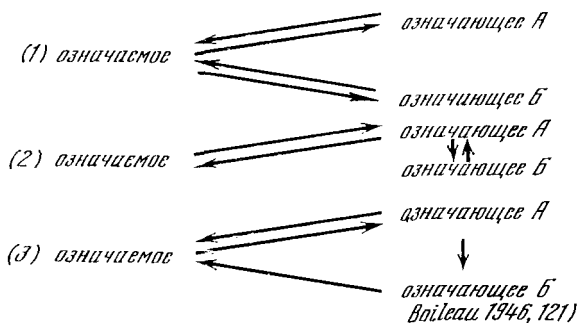
Ди Пьетро пишет: «Решающим в достижении уровня соотносительности при контрастивном анализе является предположение, что все языки человечества разделяют

некоторое число общих существенных черт. Если бы не существовало подобной общности в построении и в некотором количестве грамматических процедур, то не было бы никакой отправной точки для формулирования утверждений по контрастивности. Альтернативой для нахождения универсалий при контрастивном анализе служит список контрастирующих парадигм и обособленных описаний, не имеющих взаимосвязей в сопоставляемых языках» (Di Pietro 1971, 4).

Делimitация предмета контрастивной лингвистики не исключает ее связей с другими разделами науки о языке. Однако было бы опасно ставить некоторые вопросы контрастивной лингвистики в зависимость от разработки сходных проблем в параллельных ей дисциплинах. Как уже указывалось выше, практический выход исследовательских работ по контрастивной лингвистике неоднократно способствовал успехам преподавания вторых (т. е. иностранных) языков. Процесс перестройки с одного языкового кода на другой, который совершается человеком, овладевающим новым языком, привлекал также внимание психологов и психолингвистов. Нам представляется, что в теоретическом плане методические задачи преподавания языков, связанные с учетом психологии учащихся, далеки от проблем контрастивной лингвистики. По существу контрастивное сопоставление языков проводится до вынесения его результатов в аудиторию. Преподаватель может, конечно, привлечь внимание учащихся к различиям между родным и изучаемым языком, или между изучаемым языком и тем иностранным, которым они уже владеют, но этим, в сущности, дело и ограничивается, если метод перевода не имеет большого удельного веса среди других приемов преподавания материала изучаемого языка.

Ближе к проблемам контрастивности подходят те ученые, которые занимаются билингвизмом в его психолингвистическом аспекте. Как происходит сопоставление двух языков у двуязычного субъекта и происходит ли оно вообще — вот вопрос, который всегда интересовал и лингвистов и психологов. Рассматривая проблему двуязычия, Овербеке ссылается на работу Буало и считает, что этот последний выдвигает интересное, хотя и не всегда доказуемое разделение билингвизма на «бессознательный» и «осознаваемый» (*biliguisme raisonné*). При «осознанном билингвизме» происходит сознательная ассимиляция вто-

рого языка, так как у носителей билингвизма подобного типа всегда присутствует (хотя бы и в минимальной степени) элемент перевода с одного (первого) языка на другой (Overbeke 1972, 82). Буало предлагает следующую схему:

Первый случай (идеально законченного двуязычия) представляет положение, при котором говорящий для каждого означаемого располагает одновременно двумя означающими на соответствующих языках (например, для означаемого 'стрела' — франц. *flèche* и англ. *arrow*). Но между самими означающими связи нет, так что слыша слово *flèche* или слово *arrow*, говорящий концептуально относит каждое из них порознь к означаемому.

Во втором случае связь устанавливается только между означаемым и означающим А, и уже это означающее (например, *flèche*) возбуждает второе означающее Б, т. е. совершается перевод *flèche* на *arrow*, иначе говоря, означаемое не непосредственно, а только опосредованно (через первый язык) связано с означающим Б, относящимся ко второму языку. При подобном неабсолютном билингвизме «обратная связь» между означающим на втором (не родном) языке и означаемым идет таким же образом. Слыша английское слово *arrow* человек, для которого первым языком является французский, рассуждает: «ага, *arrow* это значит *flèche*, а *flèche* обозначает стрелу». В третьем случае означающее Б косвенно опосредовано только при активном речетворчестве, при пассивном означающее Б непосредственно соотносится с означаемыми. Иначе говоря, если французу нужно создать фразу с английским словом *arrow*, он пройдет через этап перевода французского *flèche* на *arrow*, но, услыша

или прочтя английское слово *agrow*, он может соотнести его с понятием «стрела», не прибегая к переводу на родной язык.

Ясно, что именно в двух последних случаях (2-м и 3-м) можно говорить о переводе более или менее осознанном, а следовательно, и об осознанном сопоставлении двух языков. Овербеке справедливо замечает, что случай полного идеального билингвизма (№ 1 по схеме Буало) недостижим не только потому, что по существу при таком уровне владения каждым языком билингв ничем не отличается от монолингва, но также и по самой специфике языка как явления. Абсолютная идентичность двух лексем в разных языках по их соотношенности с означаемым невозможна хотя бы потому, что каждая из них в «своем» языке связана системно со своими синонимами и антонимами, которые обогащают выражение свойств и качеств означаемого и для каждого языка создают неповторимую цепочку семантических модуляций.

Однако нас в связи с проблемами контрастивной лингвистики интересует не само по себе двуязычие, а тот процесс сличения двух языков и выявления их сходных и различных черт, который должен быть свойствен двуязычному говорящему во 2-м и отчасти в 3-м типе билингвальности. Именно при 2-м двустороннем «переводе» означающих А и Б должно осознаваться различие между языками (вспомним, что идет разбор случаев «осознанного билингвизма»). Вероятно, это именно та область, где могут сочетаться интересы психолингвистики и контрастивных исследований, так как в подобных случаях процесс разложения языков на взаимоподобные и контрастирующие элементы осуществляется самим носителем языка, а не исследователем, препарирующим языки для целей преподавания или переводческой практики. Как видно, зона этих встреч двух областей науки о языке все же довольно узкая, если не брать более высокую сферу встреч всех разделов языкознания — общие проблемы связи формы и содержания в языке, связи языка и мышления.

Каковы связи между контрастивной лингвистикой и другими разделами языковедческих дисциплин, в частности, социолингвистикой? В данном случае, разумеется, можно говорить лишь об опосредствованных связях, хотя их нельзя игнорировать. Есть одна нить, которая связывает проблемы контрастивного исследования языков с

одним из разделов социолингвистики, а именно, явления и условия билингвизма. Контрастивное исследование языков в практическом плане направлено на овладение вторым языком без тех «помех», которые может внести первый (родной) язык. Подобная ситуация вполне реальна для общественной группы с различной степенью двуязычия. Такая ситуация возникает при определенных социально-исторических предпосылках, которые нельзя игнорировать. «Социальные и психологические факторы часто находятся за пределами области непосредственно лингвистической работы. Однако если их игнорируют, то часто оказывается невозможно найти удовлетворительное объяснение целому ряду чисто лингвистических феноменов. Сравнение между двумя языками не может быть выражено исчерпывающим образом, когда оперируют только фактами флективности или агглютинативности. Связи между двумя языками определяются в равной мере обычаями, образом мысли, социальными структурами двух лингвистических сообществ», — пишет М. ван Овербеке в работе по двуязычию (Overbeke 1972, 44). Он, в частности, считает, что контрастивная лингвистика может дать много полезного для лингвистической акультурации эмигрантов, вынужденных овладевать языком страны пребывания, хотя их родной язык может относиться к группе языков мирового распространения с богатой литературной традицией. Подобная ситуация часто наблюдается, например, в США, и поэтому «несомненно важно знать, в каком отношении такие языки, как китайский, испанский или немецкий похожи на английский, и в чем они от него отличаются. Для каждого конкретного случая контрастивная лингвистика должна предусмотреть те специфические трудности, которые совместная жизнь двух языков повлечет за собой, контрастивная лингвистика должна также снабдить преподавателя указаниями и необходимыми средствами, чтобы предупредить нежелательные последствия билингвизма подобного рода (Overbeke 1972, 57). Все вышесказанное, однако, относится скорее к практическим сторонам контрастивной лингвистики, т. е. к полезным формам применения ее теоретических достижений и общественной оправданности исследовательских работ по контрастивному анализу языков.

Нам кажется, что связи с социолингвистикой, имеющей своим объектом изучения общественную определенность функционирования языка, для теории контрастив-

ной лингвистики лежат несколько в другой плоскости. Если правильно то, что зародыши контрастивных работ содержались в учебниках второго, т. е. иностранного, языка и отдельные положения ее выросли из практики преподавания, то сам характер взаимодействия родного и иностранного языков в условиях аудитории при отсутствии второго (иностранного) в повседневном языковом обиходе отличается от столкновения языков в билингвальной среде, где языком, превалирующим в общественном и социальном отношении, является язык, чужой для билинга. В подобной ситуации контрастивные исследования имеют не только прикладное, педагогическое значение; сопоставление структур двух взаимодействующих языков и изучение характера подобного взаимодействия может пролить свет на многие вопросы развития и преобразования языков. Подобные формы взаимодействия определяются социолингвистическими условиями, а не исключительно структурно-типологическими свойствами сталкивающихся языков. Не случайно в данном случае и употребление термина «взаимодействие». При овладении вторым языком, изучаемым как иностранный, языковая интерференция имеет, как правило, одностороннюю направленность: навыки родной речи могут влиять на изучаемый язык и способствовать привнесению в этот последний элементов и моделей из родного языка. Если же в родной язык попадают отдельные элементы изучаемого языка, то они носят обычно «цитатный» характер и употребляются как готовые формулы. При билингвизме, протекающем в естественной среде существования в данном языковом сообществе двух языков, влияние часто бывает двусторонним: не только во второй язык из родного, но и в родной язык из первоначально «чужого» языка проникают модели, часто становящиеся продуктивными образцами (Haugen 1953).

При большом развитии социолингвистических исследований в советском языкознании, их высоком методологическом уровне и обилии конкретных работ по проблемам двуязычия, использование этих достижений в собственно контрастивных исследованиях меньше, чем этого можно было бы ожидать. В социолингвистических работах использование языковых данных, сведения об интерференции сталкивающихся языков в тех или иных социально-исторических условиях всегда даются, но обратного, т. е. учета достижений советской социолингвистики для

работ контрастивного характера, явно недостаточно, хотя, казалось бы, эта тематика интересна и значительна. Надо надеяться, что при контрастивных исследованиях многочисленных языков, бытующих в Советском Союзе, то, что можно взять полезного от социалингвистики, будет взято.

Есть еще одна область, мало затронутая контрастивными исследованиями до настоящего времени и целиком обязанная своим возникновением специфическим историко-социальным условиям развития языка. Это изучение так называемых креольских языков и языков типа «пиджин» в их контрастивном сопоставлении с языками, послужившими исходным материалом для образования этой специфической категории языков мира. Нельзя, разумеется, сказать, что изучение креольских языков не велось и не ведется поныне. Наоборот, работы по таким языкам идут непрерывным потоком, но для целей контрастивной лингвистики и методами, в ней применяемыми, креольские языки систематически не исследовались. Вероятно, это происходило потому, что, начиная от Г. Шухардта, всех лингвистов больше всего занимал вопрос истории образования этих языков, то, каким образом они могли получиться. План синхронного сравнения этих языков с другими не разрабатывался, а именно этот аспект в теоретическом отношении может дать много интересных фактов. Генетические связи и типологическое подобие креольских языков с языками, послужившими их источником, дают коррелятивные отношения иного порядка, чем в тех случаях, когда сопоставляются между собой языки «чистых» (конечно, относительно) генетических или типологических групп. Здесь могут для полноты описания и исчерпывающих объяснений скреститься пути контрастивно-типологических и социалингвистических изысканий.

Подведем некоторые итоги. Контрастивное исследование должно содержать систематическое сравнение форм и значений единиц структуры сопоставляемых языков, исходя из предположения о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий. Ввиду вышеуказанного обстоятельства одной из центральных задач контрастивного анализа должно быть избрание исходной меры сопоставления, того, что могло бы быть названо точкой отсчета различий между языками или базой их контрастив-

ного сравнения. Относительный успех контрастивных исследований в области фонетического уровня языков объяснялся естественностью выбора отправной базы анализа — артикуляционной основы анатомо-физиологической классификации звуков речи. Вместе с тем вышеуказанная отправная «точка отсчета», не включающая функциональных характеристик звуковых единиц языков, выявила и все недостатки одностороннего подхода к языку. Двухязычные словари всегда содержат в зародышевом виде контрастивное сравнение лексических единиц избранных языков. Поэтому частные исследования по лексике долгое времяходили на расширенные словарные статьи. Развитие семиологии, как раздела лингвистической науки и, в частности, теория поля и методика компонентного анализа создают принципиально новую основу для лексико-семантического анализа контрастивного плана. Сложность контрастивных работ по грамматическому уровню языка и необходимость его детального изучения объясняются, во-первых, большой обремененностью формальных характеристик этого уровня, затемняющих временами их семантическую сущность, во-вторых, давним (иногда излишним) влиянием логистических теорий, в-третьих, типологическим разнообразием языков мира.

По существу, любое описание языка, дававшееся не носителем этого языка, имплицитно могло содержать элементы контрастивного сопоставления. Поэтому с давних пор установилась традиция созерцать контрастивные исследования как учебные материалы, необходимые для преподавания иностранного языка. Неоспорим этот практический выход для контрастивной грамматики. Однако было бы неоправдано не только сужать практическое применение контрастивных работ (кроме преподавания они обслуживают многие сферы коммуникации: перевод, терминоворотчество, создание кодов и т. д.), но и отрицать наличие контрастивной лингвистики как теоретического направления в составе лингвистических дисциплин, получившего при своем вычленении самостоятельный объект для исследований.

Связи контрастивной лингвистики с другими областями лингвистической науки могут быть охарактеризованы как непосредственные и опосредованные. Непосредственную связь контрастивная лингвистика (и, в частности, контрастивная грамматика) имеет с типологией языков и во вторую очередь через типологию некоторый вы-

ход к теории лингвистических универсалий. Понятие «языкового типа» столь же актуально для контрастивной грамматики, как и для типологии, однако кардинальное различие между общей типологией и контрастивной грамматикой состоит в том, что в то время как общая типология должна по идее оперировать с максимальным количеством разнообразных языков для извлечения общих и отдельных типологических характеристик, контрастивная грамматика имеет всегда дело с двумя языками (или, возможно, со многими языками, сравниваемыми попарно), с установкой на поиск на фоне сходства их различий. Опосредованные связи контрастивные исследования должны устанавливать с историко-генетическим изучением родственных языков, с психолингвистикой, могущей помочь в понимании коммуникативно значимых различий между языками, с различными аспектами социолингвистики, помогающей определить зоны расхождений между языками.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА И МЕТОДЫ ЕГО АНАЛИЗА

При разработке методов, используемых для контрастных исследований, приходится учитывать те наблюдения, которые накопило общее языкознание в процессе изучения такого многогранного явления, каким является человеческая речь. Важное место среди подобных соображений занимает понятие дистрибуции. Дж. Лайонз пишет: «На каждую языковую единицу (за исключением предложения) в большей или меньшей степени накладываются ограничения в отношении контекстов, в которых она может употребляться. Этот факт отражается в утверждении, что каждая лингвистическая единица (ниже уровня предложения) имеет специфическую дистрибуцию». (Лайонз 1978, 86). Известно, что если две единицы встречаются в одном и том же множестве контекстов, то они эквивалентны по дистрибуции, если же, наоборот, у них общие контексты отсутствуют, то они стоят по отношению друг к другу в дополнительной дистрибуции. Между этими двумя крайними точками располагаются случаи включенной дистрибуции, когда единица «х» может встречаться во всех контекстах, в которых употребляется единица «у», но последняя встречается еще и там, где «х» употребляться не может, а также случаи дистрибуции, частично совпадающей, т. е. когда имеются контексты, общие как для «х», так и для «у», но ни одна из этих единиц не встречается во всех тех контекстах, в которых может быть употреблена другая.

Соображения относительно дистрибуции языковых единиц важны для контрастной лингвистики потому, что отдельные элементы двух сопоставляемых языков могут совпадать, но формы распределения в каждом из этих языков окажутся схожими лишь частично. Это относится к единицам любого уровня языка. Значение формы настоящего времени глагола английского языка совпадает с русской формой в контекстах типа *He writes short stories* 'Он пишет короткие рассказы', но наличие в английском языке длительной формы настоящего времени

(Present Continuous) нарушает установившуюся эквивалентность в таких контекстах, как *He can not call on you now, because he is writing a letter* 'Он не может посетить вас сейчас, потому что он пишет письмо'.

Г. Никкель пишет о том, что прикладной аспект контрастивной лингвистики связан с задачами рационализации преподавания иностранных языков. В традиционных грамматиках используется контрастивный подход, когда конструкции или функции преподаваемого языка сравниваются с таковыми в языке исходном. Оправданный для педагогических целей этот подход имеет один недостаток: традиционная грамматика, на которой он основан, не обладает той степенью эксплицитности, которая могла бы обеспечить точность анализа языка. Г. Никкель полагает, что новым этапом в развитии контрастивных исследований, вышедших за рамки традиционной грамматики, явилось применение таксономической модели языка, разработанной в США в так называемый блумфильдский период (в 30—50-е годы). Но хотя (по мнению Г. Никкеля) эта модель позволила провести ряд интересных наблюдений, в целом она не обеспечила достаточно детальный контрастивный анализ языка.

Последнее время во многих контрастивных исследованиях используется трансформационно-порождающая модель языка, разрабатываемая с 1957 г. Н. Хомским, З. Хэррисом и др. Г. Никкель на основании опыта работы, проводившейся им в Штутгарте по контрастивным исследованиям немецкого и других языков, считает, что использование четкой лингвистической модели помогает выявить такие черты структуры языка, которые без этого, вероятно, оставались бы скрытыми. Вместе с тем черты структуры языка, выявляющиеся при контрастивном анализе, могут привести к изменениям в самой модели. Трансформационно-порождающая модель уже подвергалась некоторым изменениям и будет, несомненно, подвергаться им и в дальнейшем в свете накапливаемого опыта.

Любая четкая языковая модель может быть использована в качестве основы для контрастивного исследования. Как пишет Г. Никкель, «мы используем трансформационно-порождающую грамматику как наиболее полно развернутую модель языка, существующую сейчас, по мы продолжаем трезво относиться к тем видам анализа, в которых используются модели иные, чем трансформа-

ционно-генеративная модель (например, стратификационная грамматика и тагмемика), зная, что прикладная контрастная лингвистика, применяемая для анализа ошибок, скорее должна основываться на грамматике действия (performance), чем на грамматике способности (competence)» (Nickel 1971, 4).

Нельзя согласиться с мнением Г. Никкеля, когда он утверждает, что «контрастная лингвистика не зависит от какой-либо особой модели описания языка, что касается моделей, то контрастная лингвистика просто требует унифицированной манеры сравнения» (Nickel 1971, 5). Известно, что выделение объекта и методика изучения этого объекта является неременным условием существования того или иного раздела любой научной дисциплины. Именно правильность избранного метода обеспечивает истинность результатов научного исследования, их соответствие реальной действительности, возможность их практического использования. Отрицание важности методов анализа неизбежно приводит к агностицизму, отголоски которого можно усмотреть и в нижеприведенном высказывании Г. Никкеля. Правильно указав на трудности, с которыми сталкивается лингвист, стремящийся установить «эквивалентность» языков, Г. Никкель дальше пишет: «В то время как сравнительно легко установить формальную эквивалентность, самой трудной проблемой является определение любого типа эквивалентности функционально-семантической. Так как отдельные языки обладают системами и подсистемами, свойственными только им, каждая функция и конструкция в языке должна рассматриваться как часть общего целого. Мы не можем вникать в эту проблематику, потому что в принципе она не разрешима. Вероятно, лучшее, что можно сделать, это избрать прагматическую точку зрения и подойти к вышеуказанной проблеме с позиции представления о «квази-эквивалентности» с приблизительными мерками, как это делается в области перевода» (Nickel 1971, 5).

Однако научный подход к явлениям несовместим с «приблизительностью», и большинство лингвистов, занимающихся контрастивными исследованиями, избирают тот или иной метод анализа материала, чаще всего пробуя приспособить один из существующих методов лингвистического анализа к задачам контрастивной лингвистики. Как уже упоминалось выше, во многих зарубежных работах по контрастивной лингвистике широко при-

меняется методика трансформационно-порождающей грамматики. Что может и что не может дать трансформационная грамматика для контрастивной лингвистики?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо остановиться на проблеме направления грамматического анализа «от формы к содержанию» или «от содержания к форме», что всегда служило предметом споров между лингвистами, занимавшимися составлением описательных грамматик. Проблема соотношения формы и содержания в контрастивной грамматике осложняется (по сравнению с описательной грамматикой) тем обстоятельством, что в поле зрения желательно одновременно держать два языка, каждый из которых обладает своеобразием как форм, так и их значений. Поэтому в практике контрастивных исследований обычно либо рассматривают набор сходных форм в двух языках и затем определяют круг выражаемых ими значений, либо, беря априорно какую-нибудь категорию, выясняют типы ее передачи в двух языках. Каждый из этих двух подходов имеет как свои положительные, так и отрицательные стороны. Сличение однопорядковых парадигм в двух языках, например, парадигмы склонения существительного, гарантирует полный охват всех процедур, используемых в морфологии данного языка для передачи грамматических значений. Нельзя также сказать, что при подобном подходе обязательна опасность игнорирования семантической стороны морфологических явлений. Явления внутринадигматической омонимии, полисемия отдельных единиц парадигматического ряда, сжатость парадигмы в одном языке и ее многочленность в другом дают возможность проследить как типологические, так и семантические корреляты двух языков. Вместе с тем подход «от формы к значению» не гарантирует полной характеристики сравниваемых языков. Помимо случаев отсутствия формальных коррелятов (например, наличие надежных форм существительного в немецком или русском языках и их отсутствие во французском языке) всегда могут быть значения, передаваемые средствами других уровней (например, в синтаксисе — словосочетаниями или лексико-синтаксическими приемами). Поэтому в последнее время в контрастивной грамматике явно начинает преобладать подход «от содержания к форме».

Хотя подход к грамматическим явлениям языка с позиций логики и поиски отражения в языке универсаль-

ных логических категорий были известны со времен картезианской философии, «второе рождение» в применении к контрастивной грамматике данное направление обрело, несомненно, благодаря связи современных типологических работ с теорией лингвистических универсалий (см. выше, с. 16). Данное направление, казалось бы, обеспечивающее семантическую трактовку явлений языка, на самом деле уводит контрастивную грамматику в сторону нивелирования особенностей, специфических для каждого из сопоставляемых языков, выделяя на первый план общее и универсальное, на фоне чего особенное выглядит частным исключением. Кроме того, при подобном подходе подразумевается молчаливое допущение факта обязательности существования в каждом языке набора общих понятий, хотя диалектика развития языков формирует облик каждого языка не только в формально-структурном, но и в семантическом отношении. Исследователю приходится учитывать, что удельный вес грамматических значений и сам набор грамматических категорий не совпадают по различным языкам и при наложении грамматических систем двух сравниваемых языков зоны совпадений пересекаются зонами расхождений или контрастов.

Естественно, что методы, применяемые в контрастивной грамматике, предопределяются одним из избранных подходов, изложенных выше. Системность при рассмотрении отдельных участков сопоставляемых языков плохо сочетается с теми теориями, адепты которых ищут в языках только несходное, разделяющее, считая именно подобный подход спецификой контрастивных исследований. Чаще всего это проявляется в работах с методическим уклоном, когда в качестве отправной базы исследования берется все свойственное родному («отправному») языку и на этом фоне отмечаются различительные черты преподаваемого чужого языка («языка назначения») (см. выше, с. 7). Методические приемы анализа строя языка, применяемые в теоретических работах, ориентированных на изучение грамматического уровня языка, нашли более или менее успешное применение в контрастивной грамматике. Из них должны быть указаны следующие: I. Использование схемы морфологической классификации языков и понятий, с ней связанных. Например, сравнение морфологии языка агглютинативного строя с морфологией языка аналитического строя (турецкий // англий-

ский) с выводом, констатирующим, что многие грамматические значения выражаемые в языке агглютинативного строя в пределах морфологии, смещаются в языке аналитического строя в сферу синтаксиса (Sebüktekin 1971, 18). II. Отталкивание от морфологических приемов (сформулированных младограмматиками) и выяснение тех значений, которые передаются избранным приемом в двух сравниваемых языках (например: роль ударения в двух или нескольких языках, роль префиксации и т. п.). III. Использование методики трансформаций не только для сравнения отдельных звеньев трансформационной цепочки, но и для возведения структур в двух сравниваемых языках к общей «глубинной» основе, в целях показа единства их семантического начала. Эта последняя методика очень широко применяется в контрастивных исследованиях в последние десятилетия и представляет собой известный компромисс между подходами «от формы к содержанию» и «от содержания к форме». IV. Последний подход («от содержания к форме») ярче проявляется в избрании какого-либо понятия (часто граничащего с универсальными понятиями категориями) и рассмотрении форм его передачи в двух языках. (Например: время, модальность, категория пространственной детерминации и т. п.) Последний тип контрастивных исследований иногда бывает трудно отделить от работ по языковой типологии.

Несмотря на полезные наблюдения, имеющиеся в исследованиях, выполненных с помощью вышеуказанных методических приемов (не всегда их можно обозначить как последовательно применяемый метод, основанный на четких теоретико-методологических предпосылках), они не создают основ для творческого развития контрастивной грамматики, так как не содержат раскрытия основной специфики явлений языка, диалектическую связь формы и содержания в языке, связь языковых явлений с отраженными в языке мыслительными категориями, внутрисистемную упорядоченность структуры языка и взаимозависимости его отдельных сторон, своеобразие отдельных, единичных языков, сочетающих в своем строе общее и особенное. Поэтому представляется желательным, рассекая язык для удобства исследования на отдельные участки, учитывать при их выделении вышеуказанные свойства языка.

Синтез подходов «от содержания к форме» и «от фор-

мы к содержанию» легче достигается, когда их держат в поле зрения одновременно. Вовлечение в зону исследования как структурных, так и смысловых черт сравниваемых языков дает гарантию, что специфические особенности, отделяющие языки, не будут забыты, а вместе с тем анализ будет осуществляться на основе явлений, существующих в обоих языках. При подобном подходе к контрастивной грамматике неизбежно сближение областей морфологии и синтаксиса. Это соответствует реальному положению вещей, так как известно, что очень часто значения, передаваемые в одном языке морфологическими формами, не находят в другом языке своего парадигматического отражения и существуют лишь в зоне синтаксиса. Вместе с тем некоторые «базовые» отношения обнаруживаются во всех языках, хотя часто находят себе весьма различное морфологическое выражение. Проиллюстрируем одну из возможных разработок подобного приема контрастивного исследования.

Если при сравнении двух (или нескольких) языков исходить не из универсальных логико-семантических категорий, а начинать анализ микросистем, в которых наличествуют синтаксические отношения, обнаруживаемые во всех языках, то к таковым, например, относятся атрибутивные отношения со всеми своими семантическими подразделениями. Для того, чтобы руководствоваться при отборе конструкций структурными показателями с их последующим семантическим анализом, удобно использовать линейные свойства языка и, следовательно, выделить минимальные пары, основанные на принципе позиции члена словосочетания. Ступени в дальнейшем анализе выделяемого атрибутивного словосочетания зависят от:

- 1) позиции определения (до или после определяемого),
- 2) примыкания определения или его отрыва от определяемого,
- 3) лексико-грамматической принадлежности определения (какой частью речи оно выражено),
- 4) формы выражения синтаксической связи (примыкание, согласование, управление и т. д.),
- 5) возможности синонимических замен,
- 6) возможности расширения словосочетания путем:
  - а) параллельного включения однородных членов,
  - б) расширения словосочетания при расширении определения зависимыми от него членами,

в) структурной разности сравниваемых языков при семантической эквивалентности расширенных словосочетаний.

Степень лексико-семантической весомости и, наоборот, однофокусного целевого назначения определения зависит в конечном счете от общих грамматико-семантических свойств строя данного языка и семантических черт его лексико-грамматических классов (частей речи). Так, например, во всех языках есть указательные местоимения, но далеко не все языки обладают артиклем. Сопоставляя конструкции словосочетания «указ. мест.+сущ.» в английском, французском, валлийском и русском языках, обнаруживаем сходные и различные черты, объясняемые отсутствием артикля в русском языке. Привлекая на следующем этапе анализа материал притяжательных местоимений в тех же языках, видим, что различия между ними могут вытекать из разницы в структуре самих классов местоимений (наличие в русском языке местоимения *свой*). Если взять сочетание имени с указательными и притяжательными местоимениями в английском, французском, русском и турецком языках, то наличие трех степеней дальности (турецкое *bu, şu, o*) вызывает необходимость синонимических замен (описательных форм) в западноевропейских языках. Подключение к указанным словосочетаниям конструкций с именами прилагательными и именами существительными в роли определений приводит исследователя к проблеме позиции определения (до или после определяемого), к синонимическим средствам связи (предложное словосочетание или формы падежей имени существительного), к выяснению возможностей объединения в функции определения при одном и том же определяемом членов различных лексико-грамматических разрядов.

Как указывалось выше, многие приемы анализа языкового материала, применявшиеся и применяемые в описательных грамматиках, используются в контрастивных исследованиях. Однако далеко не всегда те методы, которые пригодны для решения отдельных лингвистических задач, могут некритически быть перенесены в область контрастивной лингвистики. Авторы работы «Лингвистическая наука и преподавание языка» (Halliday и др. 1964, 113) указывают, что имеется два основных положения сопоставительно-описательной лингвистики: «описывай раньше, чем сравнивай» и «сравнивай модели,

а не языки в целом». Второй принцип, однако, не столь прост, как это может показаться на первый взгляд. Каждый язык как «система систем», по известному выражению Л. Теньера (Tesnière, 1959), представляет собой сложное сочетание множества моделей, принадлежащих различным уровням языковой структуры. Если сравнивать именные группы в английском языке с именными группами в урду, с одной стороны, и строение предложения в вышеназванных языках, с другой, то нельзя доказать их адекватную соотносительность. Иными словами, нельзя утверждать, что английские именные группы противостоят именным группам в урду совершенно таким же образом, как английские модели предложения моделям предложения урду. Поэтому безопаснее проводить сравнение каждой модели в двух языках на ее собственном уровне. Вместе с тем каждое утверждение при сравнении языков предполагает три последовательных ступени предварительного анализа: первая — раздельное описание соответствующих черт каждого языка, вторая — установление сравнимости этих черт, третья — сам процесс сравнения.

Вторая ступень анализа заслуживает того, чтобы на этом вопросе остановиться подробнее. Все ли единицы уровней языковой структуры сравнимы попарно в двух языках даже при их внешней терминологической эквивалентности? Если взять понятие «родительный падеж» в латинском и турецком языках, то однозначность употребления этой формы слова в турецком лишь частично соотносится с многоаспектностью родительного падежа в латинском языке (*Genetivus possessivus*, *Genetivus objectivus*, *Genetivus subjectivus*, наконец, родительный принадлежности к чему-либо и многочисленные адвербиальные функции родительного падежа).

Авторы вышеупомянутой книги предлагают решать вопрос сравнимости форм двух языков пробой на их взаимопереводимость. Если какие-либо единицы одного языка не имеют при переводе своих эквивалентов в другом языке, то нет смысла заниматься ими в плане сравнения. Подобный критерий хорош тем, что при нем учитывается, по выражению авторов книги, «необходимость контекстуальной эквивалентности». Действительно, семантическая ценность той или иной формы языка раскрывается прежде всего в ее контекстуальных связях и плодотворность содержательного контрастивного исследо-

вания языков во многом определяется привлечением при анализе отдельных единиц их языкового окружения. т. е. микро- (а иногда и макро-) контекста. Однако «проба на переводимость» ограничена в своих возможностях. Один из ее недостатков состоит в том, что при использовании методики подобного рода на первый план выступают синтагматические связи и остаются в тени связи ассоциативные и структурно-парадигматические.

Системность в языке проявляется в конфигурациях построения подсистем любой степени простоты и сложности; в особенности для разделов морфологии и словообразования парадигматика играет большую роль, хотя и бывает оформлена сообразно законам типологии данного языка. Поэтому нам представляется, что перевод может быть использован как дополнительный (хотя в отдельных случаях и весьма ценный) прием выяснения сходств и различий двух сопоставляемых языков. Хэллидей и его соавторы совершенно правильно указывают, что в применении метода сопоставления языков подчеркивается, что сравнение — это показ различий на фоне сходства. Иллюстративным материалом данного положения для авторов книги служит разбор категории притяжательных местоимений в трех языках: русском, английском и французском. Давая параллельные таблицы склонений этих местоимений, Хэллидей и его соавторы пробуют нащупать точки совпадений и линии расхождений в трех взятых языках. Описание начинается с констатации общности некоторых грамматических понятий и категорий. Во всех трех языках есть понятия «предложение», «словосочетание», «слово», причем словосочетание как единица входит в структуру предложения, а слово входит в структуру словосочетания.

Хотя элементы структуры предложения в трех языках не вполне идентичны, в каждом языке существует класс имен, члены которого употребляются в словосочетаниях, а также могут явиться подлежащим в предложении. В каждом языке члены разряда существительных бывают обычно ведущими элементами в именных группах и в них же выступают как проводники существительных члены обширной группы денкисов, в которой притяжательные местоимения образуют замкнутую подгруппу. Но дальше начинаются расхождения между языками, которые легко заметить не только при анализе употреблений, но даже при сличении парадигматики

Английский язык

	Ед. ч.		Мн. ч.
	м. р.	ж. р.	
1 л.	my		our
2 л.	your		your
3 л.	his	her	their

Французский язык

	Ед. ч.		Мн. ч.
	м. р.	ж. р.	
1 л. ед. ч.	mon	ma	mes
2 л. ед. ч.	ton	ta	tes
3 л. ед. ч.	son	sa	ses
1 л. мн. ч.	notre		nos
2 л. мн. ч.	votre		vos
3 л. мн. ч.	leur		leurs

Русский язык

	Ед. ч.			Мн. ч.
	м. р.	ж. р.	ср. р.	
1 л. ед. ч.	мой	моя	мое	мои
2 л. ед. ч.	твой	твоя	твое	твои
1 л. мн. ч.	наш	наша	наше	наши
2 л. мн. ч.	ваш	ваша	ваше	ваши
3 л. ед. ч.		его		
3 л. ед. ч.		ее		
3 л. мн. ч.		их		
	свой	своя	свое	свои

притяжательных местоимений в английском, французском и русском языках.

Неудовлетворительность оценок, даваемых в контрастных исследованиях расхождению между в целом эквивалентными подсистемами различных языков, чаще всего объясняется тем, что замечания по этим расхождениям имеют характер констатации «исключений» из правила. Фактологически правильные, но отрывочные замечания подобного рода не помогают понять, а тем более объяснить причины расхождений между типологически различными языками, а в плане практики не способствуют выработке указаний для преодоления различий между языками в целях преподавания или перевода.

Возвращаясь к вышеданному примеру из области притяжательных местоимений легко обнаружить, что разли-

чия между языками в этом случае могут идти по очень разным линиям. 1) По своему общему отношению к более объемной категорильной группе местоименных слов (что некоторые лингвисты называют денотическими элементами языка) материал русского языка занимает особое положение, так как при наличии противопоставления указательным местоимениям типа *этот, тот*, свойственном всем трем языкам (англ. *this, that*; фр. *celui-ci, celui-là*), в русском отсутствует категория артикля (англ. *a, the*; фр. *un, une; le, la*), хотя понятие определенности / неопределенности может быть выражено другими способами. Существенной спецификой русского языка внутри системы притяжательных местоимений является наличие местоимения *свой*, противопоставленного всем другим и не имеющим тех видов дифференциации, которые свойственны остальным притяжательным местоимениям. 2) Различие в том, что можно было бы назвать «внутренним» членением системы, проистекает оттого, что в английском языке нет разделения по роду (два для французского и три для русского) для первого и второго лица, ед. ч., которым обладают два других языка. Русский и французский имеют особые формы множественного числа для согласования притяжательного местоимения с существительным, передающим предмет обладания (а русский язык имеет еще согласование по падежу с определяемым существительным), но вопрос в том, можно ли замыкать наблюдение подобных расхождений рамками табулированной системы.

За пределы этой рамки приходится выходить не только тогда, когда речь идет об употреблении местоимений в различных синтаксических моделях и различных контекстуальных окружениях, но даже и тогда, когда речь идет о самих категориях, отраженных в местоименной парадигме. Разветвленность надежной парадигматики имени в русском языке при сжатости английской парадигмы и отсутствие флективных надежных форм имени во французском сказывается для русского языка на всех видах примененных определений — согласование в роде, числе и падеже обязательно для прилагательных и причастий в роли определений, так же как и для притяжательных местоимений. Поэтому трудно (хотя было бы желательно) провести резкую границу между «внутренним» содержанием парадигматической системы того или иного лексико-грамматического разряда и ее «внешними»

связями. Можно лишь выделять ту или иную сторону явления, для удобства анализа изолируя его от сопредельных и помня, что полнота объяснения любого феномена языка может быть достигнута только при учете всех связей и опосредований, наличествующих в целостной системе языка.

Достоинством вышеуказанной книги является то, что Хэллидей и его соавторы стараются проводить двустороннее сравнение языков, т. е. учитывают специфику обеих вовлеченных в сопоставление языковых систем. Даже в случаях перевода, когда переводчик, отталкиваясь от одного языка, подыскивает эквиваленты во втором языке, «в результате получается два взаимосвязанных текста: каждый из них является как бы переводом другого. Два текста, объединенных переводом к сопоставительному описанию взятых языков, находятся в том же отношении, что и одиночный текст» (Halliday и др. 1964, 193). Однако резкое категоричное несходство языков, особенно в области грамматики, может оправдать одностороннее сравнение. Закономерный процесс сравнения, по мнению авторов книги, это сначала раздельное и независимое описание каждого языка, со всеми свойственными ему категориями, с последующим сопоставлением двух языков. Такой порядок обеспечивает беспристрастность при сравнении и равенство по удельному весу материала каждого языка. При одностороннем направлении сравнения (то, что авторы называют *transfer comparison* 'переносное сравнение') исследователь описывает сначала один язык, а потом описывает второй язык в терминах тех категорий, которые были установлены для первого языка. Можно констатировать, что в большинстве случаев описание европейских языков шло (до недавнего времени) именно по этому пути, будучи ориентировано на категории латинской грамматики. Сомнительно, стоит ли полностью выдерживать вышеуказанную процедуру описания: ведь получается, что изображение одного языка сознательно подвергается искажению, будучи отображено посредством системной сетки другого языка.

Все же, когда модели двух языков настолько различны, что нельзя установить отношения для каждой взятой пары как один к одному, приходится исходить из одного из сравниваемых языков. Например, не только нельзя установить равенство между парадигмой единичного глагольного времени во французском языке с

каким-либо одним глагольным временем в английском, но нет соответствий и между парадигматическими подсистемами: система глагола одного языка соответствует частично (т. е. по отдельным своим признакам) двум или нескольким системам глагола в другом языке. Ту же картину несоответствий дает категория вида в глаголе русского языка, сравнимая с одной частью глагольной временной системы английского языка. То, что говорит Хэллидей относительно невозможности установить для моделей (единичных) двух языков отношение равенства «один к одному», совершенно верно и как раз служит аргументом в пользу сравнения не единичных моделей или элементов, а микрополей. В таких системах или микрополях можно ожидать различное членение единиц и моделей внутри поля, но в целом общие границы подобных единств в двух языках могут если не совпасть полностью, то все же накладываться: одно поле на другое. В этом случае с категориальной точки зрения грамматические понятия в двух языках сопоставимы, и задача исследователя состоит в том, чтобы выяснить, совпадают ли также центральные, наиболее важные в содержательном плане грамматические понятия, или сближаются только какие-то периферийные значения. В дальнейшем необходимо заняться «связками» подобных микросистем, идя вверх, по восходящей линии их сложности, а также по установлению соседствующих синонимов.

По нашему мнению, в целом желателен индуктивный подход к исследуемому материалу, который гарантирует, что не будет навязано данному языку то, что в общем ему чуждо. История языкознания знает немало примеров того, как описание, например, пенидоевропейских языков, проводившееся сообразно параметрам, укрепившимся в индоевропеистике, оказывалось ложным и снималось при последующем более углубленном изучении языка. Все же некоторое предварительное мнение, гипотезу о возможных закономерностях исследователь должен иметь с самого начала, проверяя, уточняя или отбрасывая первоначальные предположения. При этом особенно важно учитывать различные формы соотносительности категорий, характеризующих уровневое строение языка.

Разграничение уровня лексики и уровня грамматики при контрастивном исследовании языков оказывается более сложным делом, чем в случае анализа материалов

одного языка. Авторы работы «Лингвистические науки и преподавание языка», по-видимому, правы, когда указывают, что понимание грамматики как «закртой» системы с относительно небольшим числом элементов и ограниченным выбором между ними и оценка лексики как «открытой» системы с потенциально неограниченным числом элементов на практике пуждаются в серьезных уточнениях. Можно скорее говорить о градациях, а не о четкой границе между грамматикой и лексикой. «На одном конце мы имеем большое количество систем, очень сложно взаимодействующих между собой, но с небольшим и фиксированным числом возможностей для каждой — здесь мы безусловно находимся в сфере грамматики. На другом конце мы имеем открытые ряды с очень простыми отношениями один с другим, но с гораздо большей амплитудой выбора в каждом из них, границы которого трудно определить — здесь мы отчетливо имеем дело с лексикой. Но в каждом языке есть случаи, находящиеся в средней полосе подобной градации, когда число возможностей выбора лимитировано, но достаточно велико, и взаимоотношения одних возможностей выбора с другими довольно сложны. Примером единиц, принадлежащих к подобной промежуточной области, могут в английском языке служить *in, at, on, under, if, seeing that, provided that, in case, often, never, sometimes, always*» (Halliday и др. 1964, 122).

Как мы видим, авторы цитированной книги приводят в качестве примера «промежуточной» зоны между грамматикой и лексикой слова служебного характера — предлоги, союзы, а также наречия с широкой временной отнесенностью. Для иллюстрации подобного типа имеются веские основания. Действительно, служебные и полуслужебные слова, будучи частью лексического состава данного языка, выполняют функции, равнозначные некоторым грамматическим формам, и во всяком случае способствуют выражению грамматических категориальных значений.

Это может быть свойственно не только членам тех лексико-грамматических разрядов, которые, как правило, используются в служебной грамматической функции и относительно которых (как, например, относительно предлогов) высказывалось мнение, что их служебное назначение и есть их лексическое значение, по также приложимо и к тем случаям, когда в данном словосочетании

один из его членов передает какие-либо общие категории, в то время как второй член словосочетания полностью «лексичен». Наиболее известный пример — это различные глагольные словосочетания с видовым или модальным содержанием (*начал писать, предполагал прийти*), где степень лексического ослабления глагола столь незначительна и его использование в данной модели столь свободно, что допускается целый ряд синонимических замен: *предполагал прийти — рассчитывал прийти — хотел прийти — намеревался прийти* и т. д. Конечно, при каждой замене одного глагола другим акцентируется тот или иной аспект предполагаемого, но еще не совершившегося действия.

Однако в плане сопоставления двух языков возникающие трудности разграничения области грамматики и лексики усугубляются тем, что в одном языке степень грамматичности структурно уподобляемых моделей может быть выше, чем в другом, а тем более может быть различен уровень синонимических замен (ср. *начал писать — began to write, started to write* и т. д.) с учетом тех словосочетаний, где глагол передает начало действия, что, однако, не является для него основным (первым, центральным) значением: *set to, go to, get to* и т. д. Если же не ограничиваться рамками одной и той же синонимической модели, а взять для двух языков в целом разграничение области грамматики и области лексики, то внутренние линии деления всегда не совпадают (т. е. не накладываются) в двух языках, а изоглоссы одних и тех же элементов / членов лексико-грамматических разрядов в функционально-грамматическом плане очень редко совпадают.

Связи лексического уровня языка с грамматическим очень разносторонние и могут иметь как бы двойное направление: от лексики к грамматике и от грамматики к лексике. Грамматическое понятие «прямого дополнения» имеет ряд подвидов и наличие в том или ином случае этих подвидов зависит то от лексического значения глагола, управляющего дополнением, то от лексики того существительного, которое выступает в роли прямого дополнения. Дж. Лайонз указывает, что в предложениях *He is reading a book* «Он читает книгу» и *He is writing a book* «Он пишет книгу» выделение во втором предложении дополнения результата объясняется тем, что в первом случае книга существует независимо от того,

читают ее или пет. Что касается второго случая, то книга возникает только благодаря деятельности, выраженной глаголом предложения (т. е. глагола *писать*) (Лайонз 1978, 464). Автор указывает далее, что с семантической точки зрения любой глагол, имеющий при себе дополнительные результаты, может быть назван «экзистенциальным каузативом», а наиболее ярким и универсальным выражением этого понятия в английском языке служит глагол *to make* 'делать'.

Наличие двух глаголов *to do* и *to make* в английском языке в противоположность русскому *делать* или французскому *faire* создает возможность более четкой дифференциации характера целенаправленной деятельности, передаваемой глаголом-сказуемым предложения, и, следовательно, помогает определить и сам подтип дополнения — объекта действия. Вопрос типа *What are you doing?* 'Что вы делаете?' несет в себе меньше пресуппозиций о «предикате» того предложения, которое служит ответом на вопрос (глагол может быть переходным или непереходным, но он должен быть глаголом действия). Вопрос *What are you making?* 'Что вы делаете?', наоборот, предполагает, что соответствующая «деятельность» является «результативной» и имеет в качестве своей цели или предела «экзистенцию» («существование») некоторого «объекта». В ряде европейских языков это различие выступает, правда, не столь явно, как в английском (например, во французском языке *Qu'est-ce que tu fais?* может быть переведено на английский язык либо как *What are you doing?*, либо как *What are you making?*). Но это не значит, что для данных языков различие между «обычными» объектами и «объектами результата» перелевантно.

Лайонз прав в том отношении, что важность вышеприведенных зависимостей между лексическими свойствами и грамматическими потенциями отдельных лексикограмматических разрядов (частей речи) языка (проиллюстрированная элементарными примерами, но имеющая часто более сложные типы своего выявления) состоит в том, что в формально равных синтаксических моделях семантические и даже грамматико-семантические отношения могут быть различными. Тем резче различия выступают на фоне сравнения нескольких языков. Не всегда удается (что признает и сам Лайонз) дать исчерпывающую схему, в рамках которой можно было

бы показать все смысловые отношения, служащие средством структурной дифференциации словарного состава языков.

Осознание взаимозависимости лексики и грамматики не привело в современном языкознании к созданию схем и правил, приемлемых и признаваемых лингвистами различных направлений. Один из подходов к решению данной проблемы был намечен П. Хомским в рамках трансформационного синтаксиса, другой представлен в многочисленных работах по теории валентности и ряде других теорий. Как нам представляется, важно прежде всего определить то «лингвистическое пространство», в пределах которого надо изучать лексико-грамматические отношения единиц языка, иными словами, решить, достаточны для этого рамки синтаксически простейших словосочетаний, или необходимым окажется более широкий контекст фразы или предложения. Одновременно возникает старая проблема парадигматических и синтагматических отношений, которая существует вне зависимости от того, как ее терминологически выражали приверженцы тех или иных лингвистических направлений. Если сосюррианское направление сравнительно мало обращало внимания на лексику при трактовке вышеуказанной проблематики, сейчас, наоборот, существует опасность растворить грамматику в деталях лексико-семантического взаимодействия сочетающихся слов.

При анализе значений однородных категориальных форм в двух языках часто возникает проблема, как определить границы значения, заключенного в данной грамматической форме и возможности существования в пределах этой же формы параллельных значений или их вариантов. Речь идет в данном случае не о грамматических омонимах, т. е. не о совпадении внешней формы у двух категориально различных значений, а именно о вариантах одного более общего значения или иногда о своеобразном синкретизме близких понятий. Рассматривая категорию будущего времени в языках очень различной типологической принадлежности, Ултан констатирует, что всегда значение «будущности» коррелирует (судя по формам его выражения) в семантическом плане с понятиями аспектуальности, модальности или с понятием целенаправленности действия (Ultan 1972, 764). Последнее сказывается даже в том, что в качестве вспомогательных глаголов для образования форм буду-

щего времени употребляются такие глаголы, как *идти* или *приходить*, т. е. глаголы, подразумевающие достижение определенной цели.

Хорошо известно использование в ряде языков глагольных форм с определенным видовым значением для передачи понятия будущего (ср. рус. *пишу—напишу*). Общеизвестна близость модальных значений долженствования, желания, возможности и им подобных к значению будущности, что также проявляется в использовании общих показателей для вышеуказанных понятий: формы будущего времени употребляются в целом ряде языков для императива (рус. *ты пойдешь!*, *ты принесешь!* и т. д.), **хотя часто это сопровождается изменением интонации.** Список языков, использующих подобное объединение значений (будущее время ↔ императив), приводимый Ултаном в его работе, включает весьма разнообразные языки: английский, немецкий, эскимосский, французский, купа, корейский, классический японский, квакьютл, литовский, тагалог, хауса, дакота и мн. др.

Во всех подобных случаях вопрос должен ставиться не в генетическом плане, что и из чего развивалось, а в плане определения единства и объединения значений или, наоборот, их дифференцированности. Для ряда языков, в том числе и для английского, хорошо известен путь исторического преобразования форм глагола (или глагольных словосочетаний) с модальным значением в формы со значением будущности, однако для синхронно-контрастивного анализа важно установить: а) продолжает ли в данной глагольной форме существовать синкретизм модальных и временных значений, б) какова внутренняя градуированность модальных оттенков, если они в комплексе продолжают характеризовать данную глагольную форму, в) есть ли синонимы (абсолютные или относительные) для данных модальных значений за пределами этой глагольной формы.

Вышеуказанные аспекты рассмотрения языкового материала необходимы для контрастивного сравнения языков потому, что формы будущего времени (если вернуться к нашей серии примеров), избранные для сравнения в одном языке, могут включать ряд модальных значений, а сравнивать их приходится с такими формами в другом языке, которые модально не окрашены, и модальные оттенки высказывания лежат вне парадигматического значения морфологического ряда, а могут

существовать только в синтаксических контекстах определенных типов. Сравнение осложняется тем, что степень связанности близких значений в пределах данной грамматической формы оказывается для разных языков очень различной.

Отрицая (как и некоторые другие англисты) наличие будущего времени в английском языке, которое можно было бы поставить в один ряд с глагольными формами настоящего и прошедшего, Квёрк и его соавторы указывают на близость таких понятий, как будущность, модальность и вид (аспект) действия. В английском языке, по их мнению, «имеется ряд возможностей выразить будущее время. Будущность, модальность и вид тесно связаны, а будущее время передается с помощью служебных или полуслужебных модальных глаголов, а также формами простого или длительного настоящего времени». Что касается сочетаний «shall / will+инфинитив», то Квёрк полагает, что функции модальности и указания на будущее, передаваемые с помощью этих глаголов, разделить почти невозможно. По его мнению, конструкция «to be going to+инфинитив» выражает будущность и намерение. Значение «будущего при намерении в настоящем» возникает главным образом в предложениях с одушевленным субъектом: *When are you going to get married?* Вторым значением для этой конструкции является «будущее как следствие причины в настоящем» как с одушевленным, так и с неодушевленным субъектом: *She's going to have a baby, It's going to gain.* В обоих случаях подразумевается, что действие уже находится на пути к его осуществлению (Quirk 1972, 87—88). Следовательно, по мнению ряда лингвистов, современный английский язык не обладает грамматической формой, которая имела бы значение «чистого будущего» без отягощения его рядом модальных (хотя бы и слабых) оттенков. И это не только потому, что нет флективных форм, а значение будущности представлено формами аналитическими с десемантизованными модальными глаголами, употребляемыми в качестве вспомогательных, но и по существу самих значений, заключенных в этих аналитических формах.

Мы уже имели случай писать о том, что при анализе грамматических форм необходимо учитывать «сопряженность» грамматических категорий, которую следует отличать от «синтезирования» (Ярцева 1960, 71). Синте-

зирование состоит в том, что хотя одна и та же форма (или один и тот же формант) передает ряд грамматических значений, по эти последние независимы одно от другого. Например, синтезирование категорий лица и числа в глаголе представляет собой объединение грамматических значений, внутренние никак не связанных. При «сопряженности» грамматических значений, например, значений вида и времени или времени и наклопа у глагола обнаруживается взаимозависимость этих последних. Например, вид как характеристика протекания действия, выраженного глаголом, представлен в английском языке посредством временных глагольных форм.

В плане контрастивной грамматики «сопряженные» значения в пределах одной грамматической формы представляют значительные трудности для анализа, так как, во-первых, в том же языке могут существовать конструкции, которые передают «сопряженные» значения параллельных форм в изолированном, т. е. «чистом» виде, а, во-вторых, в языке, взятом для сравнения, «сопряженности» в адекватных формах либо нет, либо она идет по другим линиям (т. е. синтезируется совсем иной комплекс значений). Если приходится сопоставить выражение будущего действия в английском и немецком языках, то в последнем футурум I (с вспомогательным глаголом werden) указывает, что действие произойдет в будущем после момента речи. Это — основная функция данной формы (т. е. не отягощенная модальностью). Помимо этого футурум I может употребляться с особым модальным значением — как форма выражения предположения, относящегося к настоящему. О. И. Москальская, указывая на эту функцию футурума I, приводит как пример отрывок из произведения Бределя: *Saint-Just war vor fünf Uhr von seinem Rundgang zurück. Er wartete bis sechs. Der General kam nicht. «Er wird uns bei sich erwarten» meinte Le Bas* и далее указывает, что значение предположения, присущее подобной конструкции, часто подчеркивается модальными словами *wohl, vielleicht, hoffentlich, sicherlich* и др. (Москальская 1956, 278). Ясно, что случаи подобного употребления грамматических форм, как и другие возможности функционально-семантических сдвигов в определенных контекстах, надо отличать от парадигматического значения формы в том грамматическом ряду, в который она включена в морфологической системе данного языка.

Вопрос этот важен для контрастивных исследований в теоретическом и методическом отношениях, так как надо решить, что, собственно, сравнивается при контрастивном сопоставлении языков: значение форм или их употребление. Можно, конечно, возразить, что значение раскрывается при употреблении, а вместе с тем употреблять можно только ту форму, которая по своему значению соответствует коммуникативному заданию в том или ином случае. Это так. Однако уже на простейшем примере вышеприведенного случая употребления футурума I немецкого языка для передачи специфического модального значения видно, что ту или иную грамматическую форму в известном диапазоне ее семантических потенций можно применить для передачи того содержания, которое не является типичным в ее «нормальном» употреблении. Расширение контрастивного сравнения в таком направлении может вести лингвиста к очень отдаленным сферам функциональной грамматики вплоть до контрастивной стилистики, имеющей, по нашему мнению, право на самостоятельное существование со своим кругом положений и задач.

Вероятно, почти во всех языках сферы применения форм настоящего и будущего перекрещиваются. В современном немецком языке употребление презенса в значении будущего времени развито очень широко, а в разговорном стиле речи употребление презенса преобладает. Но если оценивать это явление как случай функциональной синонимии, то числовое соотношение вышеуказанных глагольных форм зависит от стиля речи. Как мы уже упоминали выше, в разговорно-бытовом стиле преобладает презенс, в литературно-художественной прозе употребительны обе формы, но зато в научном и отчасти и в газетном языке преобладает футурум I.

В русском языке форма настоящего времени глагола легко употребляется для передачи будущего действия (*я еду завтра*). То же самое наблюдается и в английском языке, но, видимо, Квёрк прав, отмечая для примеров подобного рода дополнительную семантическую маркированность: «Употребление простого настоящего в главном предложении в значении будущего создает эффект определенности в том смысле, что будущему приписывается та же степень уверенности, которая обычно свойственна только событиям в настоящем или прошлом. Это употребительно для календарных дат: Yesterday was

Monday, today is Tuesday, and tomorrow is Wednesday, а также для передачи неизбежных явлений: When is high tide? What time is the football match?» (Quirk 1972, 89).

В каждом языке могут существовать еще дополнительные лексико-семантические условия употребления грамматических форм вне их основных значений. Квёрк указывает, что формы простого и длительного настоящего часто употребляются с глаголами arrive 'прибывать', come 'приходить', leave 'покидать' и др. для передачи чего-либо «запрограммированного»: The train leaves (is leaving) tonight from Chicago. Ясно, что в вышеприведенных примерах мы имеем дело не с «сопряженными» категориями подобно семантическому объединению модальности желательности, предположительности, намерения и значения будущности как чего-то еще не сбывшегося и поэтому нереального, а с употреблением грамматических форм с вполне определенным «центральным» (или для них основным) значением в позициях, не вполне для них свойственных. Но как же различать эти два ряда явлений? Нам кажется, что хорошую основу для решения многих спорных вопросов дают положения, сформулированные в «Грамматике современного русского литературного языка», авторы которой пишут: «Следует строго различать категории морфологического и синтаксического времени... Морфологическое время есть одно из значений формы слова (глагола), формально выражающееся средствами морфем. Синтаксическое время — категория уровня предложения, имеющая свои собственные формальные средства выражения: собственно структурную схему предложения как исходный член оппозиции, выражающий синтаксическое настоящее время, и глагольное слово (знаменательное и служебное) с его средствами словоизменения, поставленными на службу синтаксису. Именно в силу глубокого внутреннего различия морфологического и синтаксического времени морфологическими формами глагола в условиях контекста могут выражаться такие временные значения, которые никак не соотношены с данным морфологическим значением глагольной формы. Ср., например, обусловленное контекстом употребление синтаксического настоящего (выраженного морфологической формой настоящего времени глагола) для обозначения действия в будущем» (Грамм. рус. языка 1970, 543).

Разумеется, это положение имеет общий характер и

касается не только категории глагольного времени. Для русского языка в той же работе отмечается, что «категория синтаксического наклонения не совпадает с морфологическим наклонением глагола. Система синтаксических наклонений предложения гораздо сложнее, чем система морфологических наклонений глагола: синтаксическое наклонение использует морфологические формы глагола для выражения различных объективно-модальных значений предложения. Так, например, морфологическая форма повелительного наклонения используется для построения сказуемого с разными объективно-модальными значениями ирреальности: побудительности (*Работай лучше!*), условности (*Работай он лучше, бригада бы выполнила план*), долженствовательности (*Трудно ему: он и работай, он и учись*)» (Грамм. рус. языка 1970, 544).

Какие же выводы из всех подобных грамматических сложностей должен делать для себя лингвист, занимающийся контрастивными исследованиями? Ясно, что при учете всех тонкостей и вариаций употребления грамматических форм в сопоставляемых языках надо начинать с анализа парадигматических основных значений сравнимых форм, иначе говоря, надо сопоставлять однопорядковые вещи, а не то, что принадлежит разным уровням использования материала в том или ином языке. Единство формы и значения и парадигматическая закреплённость значений в системе парадигматических связей создает твердую основу для контрастивного грамматического анализа и позволяет избежать той расплывчатости в сравнении и в выводах, которые свойственны работам, оперирующим общими понятиями «значения», без их категориальной локализации. Вместе с тем, разумеется, следует при анализе любого языка внимательно относиться к тем случаям формального и семантического варьирования, которые могут быть присущи грамматическим рядам.

При совмещении в одной форме нескольких грамматических значений трудно решить, являются ли они вариантами одного, более общего (как бы «объемного») значения, или мы имеем дело с грамматическими омонимами. В теоретических работах по грамматическому строю отдельных языков вышеуказанные вопросы неоднократно возникали и исследовались, однако в плане контрастивной грамматики им до настоящего времени уделяли мало внимания. Между тем, когда Ултан в цитированной выше работе пишет, что будущее время,

кроме своего значения футуральности, может служить для обозначения императивности (см. выше, с. 20), а в гуарани, хопи, корейском, дакота, центральном сьерра миуок и санскрите оно может также указывать на необходимость или обязательность (облигаторность), а в хауса, корейском, английском, французском, русском, языке фокс и языке кос может по связи со значением императивности передавать вежливую просьбу, то складывается впечатление, что в одну рубрику включены (с точки зрения единства формы и содержания) весьма разные вещи.

При установлении семантических корреляций между языками возникает проблема вариантных и пвариантных значений грамматических форм и необходимость учитывать вышеуказанные понятия в случаях привлечения категорий языковых универсалий. Как известно, термин «вариант» применяется в очень различных сферах языковой действительности: для характеристики региональных отличий языка (американский вариант английского языка, швейцарский вариант немецкого языка и т. п.), в сфере лексической семантики (значение слова и его варианты), в сфере фонологии (где, кстати сказать, понятие варианта впервые и возникло). В данной работе нас интересует вариативность в области грамматики как с семантической, так и с формальной точек зрения. Однако в какой бы сфере языковой действительности не употреблялось бы понятие «вариант», все равно в первую очередь приходится выяснить содержание и объем этого понятия и его отношение к термину «инвариант». По этому поводу наблюдается значительное расхождение мнений среди современных лингвистов.

Можно понимать инвариант как некий идеальный эталон, по отношению к которому все, реально с ним коррелирующее, является группой вариантов. Можно считать инвариант извлечением того общего, что в той или иной мере присутствует в ряде единиц, понимаемых в таком случае как варианты по отношению к инвариантному началу, как бы выносимому за скобки для данного ряда языковых единиц или языковых форм. Можно, наконец, считать, что инвариант не противостоит вариантам, а, наоборот, сам представляет собой некоторую совокупность, т. е. группу вариантов. При последнем понимании, удобном по некоторым методическим соображениям, понятие инварианта по существу растворяется в вариантах. Мы принимаем вторую из вышеизложенных

точек зрения, считая инвариантное грамматическое значение тем общим, что абстрагируется из реально существующих значений в группах грамматических форм данного языкового ряда. В современной лингвистике довольно обычно использование понятия вариативности при анализе грамматических значений.

Почему этот термин может быть полезен в исследованиях контрастивного направления? Когда подвергается сравнению материал различных языков, то, как мы уже неоднократно указывали, необходимо прежде всего иметь определенную плоскость сравнения, единое исходное начало, отталкиваясь от которого можно было бы затем описывать любое число несходных черт, находимых в материале сопоставляемых языков и отличающих один язык от другого. Что же может служить подобным единым началом? Ясно, что с категориальной точки зрения это «общее» должно иметь весьма абстрактный характер для того, чтобы без труда обнаруживаться в ряде языков, хотя бы и с достаточно своеобразными отклонениями, типичными для того или иного языка. Нельзя ожидать, что конкретная реализация этого «общего» в одном языке может осуществляться совершенно таким же образом, как в другом языке, однако на уровне морфологии формальное варьирование имеет место в тех случаях, когда при сохранении одного значения две различные формы могут чередоваться в одной и той же позиции. Тем самым подразумевается, что эти формы являются вариантами для одного из элементов парадигматического ряда, хотя условия их дистрибуции в пределах языка в целом могут быть различны, иными словами, возможность заменяемости в одной и той же синтаксической модели еще не гарантирует для морфологических вариантов их безразличного чередования. Такие случаи возможны, однако дистрибуция вариантов часто зависит от стилистической маркированности, степени частотности и различных вполне конкретных контекстуальных условий.

Семантическое варьирование тесно связано с явлениями полисемии той или иной морфологической формы. По самой своей сути — это сохранение одной формы при спектре варьирующихся значений. По-видимому, само семантическое варьирование может иметь разную степень разветвленности, но сложность разграничения чисто функциональных признаков и собственно значимых вариантов этой морфологической формы заставляet в пер-

вую очередь ориентироваться на те грамматические категории, которые имеют парадигматические выражения в пределах морфологии данного языка. Известная градация грамматических значений по степени их весомости для данного языка может помочь в разграничении явлений семантического варьирования и явлений из областей полисемии и омонимии (подробнее об этом см.: Проблема вариативности на морфологическом уровне языка.— В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979, с. 7—26).

Почему же возникает сомнение в возможности признать значения футуральности и императивности вариантами одного значения и отнести эти явления к области семантического варьирования? (см. с. 19). Не потому, что форма, служащая для их передачи, должна расцениваться как два омонима — безусловно, это одна форма в двух употреблениях, — но одно из этих значений (футуральности) для нее парадигматично, а второе (императивности) обусловлено синтаксическим употреблением в определенных условиях семантико-синтаксического контекста (You shall do as I say). Разумеется, может быть и обратный случай: парадигматичность форм императива и их синтаксическое употребление в сказуемом с различными модальными значениями (см. выше примеры из русского языка, с. 55). Важно только в каждом случае сравнения форм, совпадающих в своем грамматическом значении в двух языках, осознавать, что сопоставляется: основные морфологические (парадигматические) значения этих форм, или то, что является для данной формы в одном языке ее морфологическим значением, а для адекватной по значению формы другого языка одним из возможных ее применений в особых синтаксических условиях. Четкость постановки вопроса в данном случае нам представляется весьма необходимой в целях достижения строгости контрастивного анализа грамматического строя языков.

Несколько отвлекаясь в сторону, следует заметить, что сличение переводов с одного языка на другой, на первый взгляд, казалось бы, дающее благоприятный материал для контрастивной грамматики, должно, на самом деле, использоваться в контрастивных исследованиях с большой осторожностью. Переводчик, имея свой собственный цикл заданий, часто вынужден широко пользоваться контекстуальными приемами и средствами раз-

личных уровней формализации языка, и нередко переводы (особенно далеких по своей типологии языков) могут скорее предоставить лингвисту негативные показатели, т. е. выявить, что имеется в грамматическом (морфологическом) строе языка оригинала и что отсутствует в морфологической системе языка перевода, а также оценить возможности синонимических лексикосинтаксических комбинаций. Особые сложности возникают при рассмотрении комплексов значений, в известной мере объединенных общей понятийной сферой. Видимо, правы те лингвисты, которые отмечают, что, например, в сфере модальных функций конструкций языка мы встречаемся с целым комплексом весьма разнообразных категорий.

Модальность принадлежит к тем категориям, которые можно назвать «многомерными», и надо полагать, что семантическая вариативность многих грамматических категорий и их смысловые связи с соседними ставят вопрос о выделении в них самих таких дифференциальных признаков, которые делали бы возможным их сопоставление в различных языках. Могут быть, конечно, случаи, особенно для близкородственных языков, когда не только в целом, но и в своих частностях данная грамматическая категория единообразна для двух языков. Но это редкое явление.

Система служебных глаголов, передающих модальные значения в немецком и английском, рассматривается как определенное средство грамматической категории, выделяемой на основе оппозиции отсутствия модального значения в предложении, что, возможно, лучше было бы назвать «положительной» модальностью в противовес к целой серии модальных значений, выражаемых вышеупомянутой системой служебных глаголов. В обоих языках наблюдается большая градуированность модальных значений, иногда коррелирующих по линии использования в обоих языках равнозначных модальных глаголов, но чаще имеющих лишь частичное соответствие в реальных контекстах своего использования. Существование шести модальных глаголов в современном немецком языке (*sollen, wollen, müssen, können, dürfen, mögen*) создает выбор из шести возможных глаголов по отношению к конструкциям английского языка (например, нем. *kann, darf* — англ. *can, may*; нем. *muss, will* — англ. *must, have to, will, want to*). Л. Боума, посвятивший данному вопросу

свою статью, правильно указывает, что трудность определения соотносительных модальных глаголов в двух языках (немецком и английском) заключается в том, что эти глаголы используются в языке для передачи широкого спектра информации и поэтому они неизбежно связаны не только со значениями модальности, но и с такими грамматическими категориями, как время (англ. *will*), наклонение (англ. *must* — повелительное), а другой своей стороной примыкают к чисто лексическим моментам в строе языка (Bohna 1975, 314).

Взаимосвязанность, а иногда синкретизм в системе категорий глагола вынуждает при типологической характеристике языков учитывать проблему вариативности грамматических значений, а это непосредственно сказывается при контрастивном сопоставлении двух языков. Понимается, морфологическая парадигма флективного типа служит более надежной отправной точкой исследования, чем грамматизованные или полуграмматизованные сочетания с модальными глаголами. Однако полисемантизм свойств и морфологической парадигме, а аналитические конструкции во многих языках прочно вошли в морфологию. Все это заставляет исследователя четко определять главное и варьирующееся для данного языка, так как языковой тип может быть выделен только по основным, а не побочным типологическим приметам.

В пределах частных систем языка взаимопроникновение грамматических значений создает для разных языков конфигурации, совпадающие по своим общим контурам, но не совпадающие по внутреннему членению. Характеризуя глагольную систему современных европейских языков с типологической точки зрения, Хаарман берет сочетание таких грамматических корреляций, как время, вид, способы действия, модальность, которые в совокупности конструируют парадигму глагола. Грамматизованное выражение времени (по ходу рассуждений Хаармана это можно было бы назвать морфологизованным выражением времени) выделяется в любом языке как основная оппозиция.

Следующая система, обозначаемая Хаарманом как глагольная система с грамматизованным временем и грамматизованным видом (*Aspekt*), имеет ту особенность, что в языках, ею обладающих, помимо времени в парадигматике выделена и видовая оппозиция. Вместе с тем не существует такого языка, который, имея грамматизованный вид, не имел бы временных оппозиций. Из этого следует, что

грамматизованный вид не выступает изолированно в глагольной форме, но всегда в сочетании со значением времени (Паагман 1976, 70—73). В языках возможно такое сочетание, которое автор называет «глагольной системой с грамматическим временем и рудиментарной видовой оппозицией». Этот тип он усматривает в современных романских языках. Все романские языки (за исключением румынского) используют вневременную (атемпоральную) оппозицию двух форм претерита. Возможны усложненные оппозиции (время — модальность — способ действия), которые Хаарман находит в глагольных системах некоторых тюркских (гагаузский, татарский, башкирский) и финно-угорских (удмуртский, марийский) языках. Одной частью речи с ее категориями недостаточно для выделения языкового типа, но при контрастивных исследованиях подобные материалы, безусловно, могут быть широко использованы.

Как дело обстоит в тех случаях, когда скудной системе морфологических форм в одном языке противостоит многочисленная и очень разветвленная система в другом. Надежная система английского языка дает оппозицию двух форм — общей и посессивной, а в лакском и табасаранском число надежд доходит до сорока. В отдельных языках наблюдается большая детализация видовых значений в глаголе. В эскимосском языке с помощью особых суффиксов характеризуют следующие виды протекания действия: 1) вид начала или становления действия; 2) вид предельного действия; 3) неопредельного действия; 4) однократного действия; 5) постоянного действия; 6) многократного действия; 7) вид фазисного действия; 8) многократно прерывистого действия; 9) длительного действия; 10) ускоренного действия; 11) замедленного действия; 12) редко совершающегося действия; 13) повторного действия; 14) неоднократного действия; 15) слабого действия; 16) чуть было несовершившегося действия; 17) почти завершенного действия; 18) прекращающегося действия; 19) наконец, совершившегося действия и 20) спокойного действия.

Очевидно, что при сравнении глагола эскимосского языка с глаголом языков, не использующих аффиксальное формообразование и не имеющих грамматизованных аналитических форм с разветвленной парадигматикой, приходится выходить за пределы морфологического уровня языка и обращаться к уровням синтаксиса и лексики. Известно, что значения, выражаемые в пределах одного уров-

пя языка, могут в ряде случаев иметь свое синонимическое отображение в других уровнях языковой структуры. Подобные явления отчетливо фиксируются при сопоставлении материала различных языков вне зависимости от того, направлено ли исследование на выявление функций той или иной модели в сопоставляемых языках или ведутся поиски средств выражения данного значения в каждом из сравниваемых языков. Представляется, однако, более целесообразным в подобных случаях исходить из значения, которое может быть передано средствами языка как адекватного воплощения мыслительной человеческой деятельности. Понятия, выраженные в системе языка и дающие сеть грамматических категорий по формам своей реализации, далеко не всегда имеют однозначное и непротиворечивое соотношение с семантической структурой уровней стратификации языка. Еще меньше шансов ожидать параллельных коррелятов тем или иным грамматическим категориям в представителях различных языковых систем. Положение об изоморфности языковых структур, плодотворно разрабатывавшееся во многих лингвистических работах последних десятилетий, имеет тем не менее свои ограничения.

Мы рассматриваем грамматическую категорию как значение, систематически выражаемое в формообразовании, а также в словосочетаниях. Следовательно, те грамматические категории, которые находят свое выражение в словосочетаниях, должны рассматриваться в разделах синтаксиса. Трудно отрицать влияние формы выражения на саму типологию грамматических значений, передаваемых в тех или иных ярусах языковой структуры. Опасно было бы только абсолютизировать различия разных грамматических структур, выделяя только несводимость и игнорируя возможные случаи их перекрестных связей.

Мы уже имели случай констатировать при сравнении грамматического строя турецкого и английского языков, что при известном подобии парадигматического строения лексико-грамматических разрядов (частей речи) уровень внутрипарадигматической омонимии и оппозиция нулевых и аффиксальных форм совершенно различны в английском и турецком языках. При полной омонимии форм самого глагола в простом прошедшем времени в английском языке (I, you, he, she, it, we, they wrote), где отнесенность действия к лицу показывает самостоятельное местоимение, в турецком языке внутрипарадигматическая омонимия

мня отсутствует (yazdım 'я написал', yazdın, yazdı, yazdık, yazdınız, yazdılar). Если для английского глагола в спряжении настоящего времени аффиксом -s отмечено 3-е лицо единственного числа при нулевом аффиксе для всех других личных форм глагола, то в турецком языке именно 3-е лицо единственного числа имеет нулевой показатель. Однако подобные различия касаются соотношения отдельных элементов в пределах одного уровня грамматики и определяют формы дистрибуции тех или иных морфологических формантов. Что касается самой направленности в выражении грамматических значений, то в обоих приведенных языках она опирается на парадигму синтетического склада, характеризующую оппозицией отдельных ее составляемых и меной маркеров.

Известно, что формобразование может реализоваться как в синтетических, так и в аналитических формах слова. Спецификой аналитических форм является то, что лексическое значение и грамматическое значение слова передаются расчлененно, а степень объединения элементов аналитической формы может варьироваться в процессе исторического развития данного языка. Сами грамматические значения могут быть разных типов в зависимости от их связанности с лексико-грамматическими разрядами слов (частями речи) и от отношений, складывающихся между словом и предложением. Выражение грамматического значения может быть «привязано» к форме слова, и тогда система форм дает парадигматический ряд, или грамматическое значение, не отражаясь в форме отдельного слова выявляется в целостном словосочетании. Следовательно, отсутствие парадигматического выражения данного значения не исключает возможности его передачи в пределах словосочетания.

Широко известны случаи, когда значение, передаваемое в пределах одного уровня в каком-либо языке, находит свое выражение в другом языке средствами совершенно иного уровня. Конечно, имеются языковые явления, пограничные для различных уровней языка, но в этих случаях связи с тем или иным уровнем языковой структуры будут выявляться при вскрытии объективно существующих противопоставлений между элементами микросистемы или моделями, конструирующими эти микросистемы. В качестве методического приема возможно начинать исследование, оперируя единицами, принадлежащими к одному уровню. Однако при вовлечении в орбиту исследования содержа-

тельных или функциональных сторон данного языкового явления почти всегда оказывается невозможным ограничиться одним уровнем, не прибегая к другим. Особенно, если проводится сопоставительное изучение языков разных типов.

Многие грамматические категории приходится рассматривать с учетом целой совокупности факторов лексического и грамматического порядка. Переходность и непереходность глагола в ряде языков раскрывается только при учете морфологических различий между соотносительными глаголами (например, английские глаголы *to sit* — *to set*, *to lie* — *to lay*), явлений словообразования, роли глагольных приставок и послелогов, отношений глагола в словосочетании с зависимыми от него словами. Соотношение лексических и грамматических факторов здесь варьируется не только применительно к глаголу конкретных языков, но и в зависимости от удельного веса того или иного способа выявления данного грамматического значения в языке, а также его связи с другими грамматическими категориями. Значение непереходности может быть непосредственно связано с лексико-морфологическим типом глаголов в русском языке. В непродуктивных группах глаголов па-*нуть* (*мерзнуть*, *киснуть* и т. д.), па-*еть* (*лететь*, *сидеть* и т. д.) почти половина имеет непереходное значение. В подобных случаях грамматическое значение, а следовательно, и употребление непосредственно ограничено лексико-морфологической структурой глагольного слова. В тех же случаях, когда выражение переходности—непереходности выявляется в пределах глагольного словосочетания, зависимость этой категории от лексико-морфологических факторов значительно слабее.

Системный подход к явлениям языка должен найти свое отражение и в сопоставительном анализе области синтаксиса. Очень часто грамматические факты, казалось бы совпадающие в двух языках по своим основным признакам, не накладываются один на другой полностью, ибо рядом с ними в каждом языке стоят явления, находящиеся с исследуемой конструкцией или формой в системных отношениях. На первый взгляд это обстоятельство затрудняет сопоставительный анализ языков, на самом же деле оно обогащает лингвистическое исследование и придает ему убедительность и силу, так как заставляет учитывать сходства и различия в их сложном переплетении и взаимозависимости. Поэтому при сопоставительном анализе области

синтаксиса полезно начинать с исследования микросистем, включающих один тип синтаксического отношения с последовательным вовлечением по ходу исследования все более разнообразных компонентов данной подсистемы (см. выше, с. 38).

Строй английского и русского языков значительно отличается по технике грамматических приемов, но в целом ряде случаев совпадает по наличным грамматическим категориям, свойственным частям речи, так же как и по синтаксическому использованию этих частей речи. Однако в трактовке тех или иных форм русского и английского языков необходимо принимать во внимание их «окружение». Так, и в английском, и в русском языках есть разряд притяжательных местоимений, совпадающих по своим значениям, но далеко не совпадающих по своему функционированию в языке. Последнее объясняется тем, что в английском языке имеется система применных показателей — артиклей, отсутствующих в русском языке. Таким образом, если в русском языке в качестве применного определителя выступает только притяжательное местоимение, то в английском в подобной синтаксической позиции чередуются притяжательные местоимения и артикли. Это и создает разные типы распределения как притяжательных местоимений, так и артиклей в английском языке, по сравнению с русским. Если ввести в круг исследования еще один сходный по функции применной элемент — указательное местоимение, также имеющееся в русском и английском языках, то картина становится еще более сложной.

То же самое можно наблюдать, если мы попробуем сопоставить значения и функции инфинитива в английском и русском. Целый ряд свойств инфинитива в английском и русском языках совпадает, но существенным фактором, приводящим к отклонению в употреблении инфинитива английского языка, по сравнению с русским, служит то, что в системе английского глагола имеется еще одна именная форма — герундий, в ряде своих употреблений синонимичный инфинитиву. Спрашивается, может ли исследователь, сопоставляющий притяжательные местоимения в английском и русском или инфинитив в английском и русском обойтись без изучения других форм, находящихся в определенных соотношениях с теми, которые служат непосредственным объектом изучения? Конечно, нет. Ведь изучение не может ограничиваться формой, оно должно помочь выяснить и значение изучаемых форм, а это невоз-

можно без анализа их функций, которые тесно связаны с местом, занимаемым данной формой в ближайшей к ней языковой системе, языковой среде. Такого рода методика исследования дает возможность лингвисту найти опору в самом языке, не прибегая к внеязыковым понятиям и не выводя своего анализа из круга понятий и явлений, принадлежащих языкознанию, а не другим областям науки.

Таким образом, нам кажется, что при сопоставительном изучении языков важно расчленять материал (в качестве предварительного приема исследования) соответственно различным сторонам (уровням) языковой системы, а затем выделять для каждой из них то количество «малых подсистем», члены которых связаны семантическими и функциональными корреляциями.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКИ РОДСТВЕННЫХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИ СХОДНЫХ И НЕСХОДНЫХ ЯЗЫКОВ

При анализе сходств и различий, наблюдаемых в сопоставляемых языках, возникает вопрос о мере схождения и расхождений, связанных с такими понятиями, как генетическая принадлежность сравниваемых языков, их типологическая отнесенность, степень их литературного развития (т. е. равенство или неравенство в плане социально-коммуникативных функций) и т. п. К сожалению, в теоретических работах по контрастивным исследованиям ответов на поставленный вопрос пайти цельзя, так как больше эта проблема волновала преподавателей-практиков, регистрировавших свои наблюдения, но не обосновывавших их какими-либо теоретическими положениями (Barrutia 1967, 24). Р. Баррутия излагает точку зрения, по мнению К. Джеймза, бытующую в среде «контрастивистов», что помехи при изучении второго языка тем больше, чем дальше отстоит в генетическом плане изучаемый язык от языка родного. Из этого следует, поясняет К. Джеймз, что испанцу труднее выучить китайский, чем итальянский, так как ему приходится многое учить заново и мало что переносить из родного языка при овладении китайским, в то время как он может использовать при изучении итальянского языка то, что ему уже знакомо в родном испанском языке (James 1971, 62).

Кливлэнд утверждал, что для носителя английского языка, чтобы овладеть французским, немецким, румынским, испанским или итальянским, требуется лишь две трети времени, которое необходимо затратить, чтобы выучить в той же степени русский, греческий или финский, и вдвое больше времени понадобится для китайского, японского и вьетнамского (Cleveland 1960). Все сводится к тому, каков родной язык учащегося. Раз японец скорее выучивает вьетнамский, чем немецкий, то ясно, что именно навыки родной речи выступают как помеха в овладении чужим языком. Методический вывод из вышесказанного заключается, по-видимому, в том, что учить что-то новое надо

отталкиваясь от старого, уже знакомого и чем больше уже знакомого будет в запасе у овладевающего вторым языком, тем быстрее пойдет процесс усвоения нового.

Г. Никкель высказывает мысль о различии в усвоении генетически родственного языка при активном или пассивном овладении иностранным языком: «Несомненно, что трудности, связанные с усвоением языка, кроются не исключительно в лингвистических или психологических моментах, но в сочетании этих последних и еще многих других. То, что имеются трудности лингвистического порядка, доказывается тем, что одни языки изучать труднее, чем другие. Например, мы знаем, что носителям английского языка при изучении китайского или вьетнамского придется приложить усилий вдвое больше, чем когда они овладевают немецким или французским. Если же они хотят выучить греческий или русский, то им придется добавить еще пятьдесят процентов к тем усилиям, которые они прилагают при изучении немецкого или французского. Было бы опасно вместе с тем заключить, что близкородственные языки легко выучить. Именно это сходство и родство создают трудности носителям итальянского языка при выражении мыслей на испанском, хотя, конечно, для понимания сообщаемого историческое родство языков оказывает большую помощь» (Nickel 1970, 104).

Педагогические наблюдения и методические замечания не помогают ответить на вопрос о лингвистических причинах затруднений. Как явствует из вышеприведенных высказываний, иллюстрации «трудных» и «относительно легких» языков очень разнообразны и слишком противоречивы, чтобы из них можно было извлечь убедительные выводы. В качестве языков, трудных для усвоения носителям английского языка, Кливленд называет языки, во всех отношениях чуждые (китайский, японский, вьетнамский). И по словарному составу, и по грамматическим моделям трудно обнаружить «мостики», соединяющие их с английским. Но финский оказывается все же легче, чем японский, несмотря на то, что по строю (агглютинативному) японский и финский равны, а по словарю финский довольно чужд английскому. По различным уровням структуры языка связи между английским и немецким, английским и французским, английским и румынским, несомненно, имеют очень разный вид. Лексику французского и английского языков может объединять значительное количество общих словарных единиц и, может быть, некоторые грамматиче-

ские модели (например, аналитические формы глагола), но такие явления, как постпозиция артикля и обильные перегласовки в системе глагола в румынском языке должны оказаться очень трудными для носителя английского языка и вряд ли можно поставить румынский параллельно французскому, как это делает автор.

Поэтому для успешной разработки вопросов контрастивной лингвистики как в ее теоретическом аспекте, так и в ее практическом приложении, необходимо рассматривать «свое» и «чужое», «трудное» и «легкое», «обычное» и «необычное» не «вообще», а в его конкретизации применительно к тому или иному уровню языка и с учетом генетических и типологических связей сравниваемых языков. Только при подобном скрупулезном анализе и с применением определенной методики можно ответить на вопросы, играют ли роль старые генетические связи для наличия известного числа сходных конструкций в родственных языках или, наоборот, типологическое подобие языков более существенно; что важнее для сравниваемых языков: совпадение границ сходных микросистем («полей», по принятой в последнее время терминологии) с различным внутренним подразделением или сходство в функциональном использовании структурно различающихся элементов. На эти и другие подобные вопросы мы постараемся дать ответ в следующих параграфах.

Во второй главе настоящей работы мы уже указывали на необходимость сочетать при контрастивном исследовании языков анализ как формы, так и содержания языковых процедур. Понимание содержательной стороны языковых форм достигается не только при наблюдении различных оппозиций и типов противопоставлений языковых моделей, но и при полном учете функциональных возможностей этих моделей. Значение отдельных форм языка реализуется при их функционировании, а условия функционирования могут предопределить последующие изменения в значении самих форм. Немаловажную роль играют в этих изменениях количество и разнообразие связей данной формы в микроконтекстах ее употребления. Не давая оценки правомерности деления типологии на структурную и функциональную, мы соглашаемся с автором книги «Сравнительная типология французского и русского языков» в том, что функциональная типология носит преимущественно количественный характер. В плане контрастивного анализа последнее обстоятельство должно учитывать-

ся самым тщательным образом и весьма плодотворно сказывается при сопоставлении однопорядковых форм в двух языках: «В аспекте функциональной типологии определяются закономерности и расхождения в использовании однотипных форм в речи. Так, форма настоящего времени во французской речи употребляется чаще для обозначения прошедшего или будущего, чем в русском» (Гак, 1977, 17). Именно последовательное применение понятий формы и функции в языке при трактовке всех сторон строя французского языка в его сравнении с русским делают выше-названную работу В. Г. Гака самым значительным явлением в литературе по проблеме сопоставления языков за последние годы.

Функциональный подход в контрастивной грамматике неизбежно влечет за собой вопрос о соотносительной роли морфологии и синтаксиса в строе данного языка. Позиция членов словосочетания как средство передачи синтаксических отношений между его членами может быть дополнена другими показателями связи членов синтагмы. При сравнении языков различной типологической отнесенности подобные формальные моменты имеют большое значение для правильной интерпретации отдельных синтаксических групп. В суахили определения (и в первую очередь прилагательные) помещаются после определяемого слова, и, таким образом, именной член словосочетания занимает начальную позицию. Например, суах. *viti vidogo viwili* 'стула маленьких два'. Связь между словами, входящими в это словосочетание, подкреплена согласованием в числе, переданном элементом *vi* — показателем множественного числа (ср. *kiti kidogo kimoja* 'стул маленький один', где *ki* — показатель единственного числа). Вышеуказанный тип согласования (повторяемость одного и того же элемента) отличается от форм согласования, типичных для языков флективного строя (ср. рус. *два маленьких стула — один маленький стул*), но в обоих случаях порядок следования определения и определяемого — не единственное средство объединения членов данной синтаксической группы.

Иное дело, когда в английском языке различимость определения зависит исключительно от его препозиции, отчето возникают соотносительные пары лексически одинаково наполненной модели: *watch pocket* 'карманчик для часов' — *pocket watch* 'карманные часы' (т. е. не наручные); *flower garden* 'цветник' — *garden flower* 'садовый цветок' (т. е. не

полевой). Ди Пьетро считает, что носителю языка таи, в котором для определения возможна только постпозиция, легко было бы усвоить, что в английском порядок «определения» — «определяемое» прямо противоположен его родному языку, если бы в английском не существовало второй модели (Di Pietro 1971, 69).

Однако подобного рода заключение представляется нам мало убедительным. Парные атрибутивные словосочетания, приведенные из английского языка, не исчерпывают собой все атрибутивные синтагмы и лексико-грамматические разряды, в них участвующие. Как бы не был сам по себе важен порядок следования элементов атрибутивных групп, их принадлежность к определенным лексико-грамматическим разрядам (частям речи) играет большую роль, а для говорящего на данном языке весь ряд ассоциативно связанных единиц языка существует как пассивный запас, из которого в процессе коммуникации извлекается необходимая модель или один из ее вариантов. Ведь именно поэтому возможны соотносительные единицы, получаемые в процессе трансформации (или, быть может, точнее сказать методом трансформации).

Поскольку прилагательные стоят между разрядом существительных и разрядом глаголов, то при трансформации поверхностных структур, содержащих прилагательные, полученные ряды могут давать «вербальную» (т. е. глагольную) или «именную» направленность. Английский язык обладает как именными прилагательными (типа *young* 'молодой', *beautiful* 'красивый', *old* 'старый'), так и глагольными (типа *enchanted* 'очарованный', *awakened* 'разбуженный') (Di Pietro 1971, 90). Возможны поэтому четыре модели: *The princess is beautiful* (состояние, присущее качеству) 'Принцесса красива'; *the princess is a beauty* (одна из ряда); *the princess is beauty* (воплощение, персонификация) (семантически адекватный русский перевод: 'сама красота'). Наконец, при опущении глагольности: *The beautiful princess* 'красивая принцесса'.

Равны ли эти четыре примера между собой и какому единому «глубинному» началу они соответствуют? В коммуникативном плане сообщается о связи некоего объекта с понятием красоты; в языковом отношении акцентируются те или иные стороны этой связи. Теоретически допускается, чтобы в том или ином языке существовали еще какие-нибудь модели, дающие возможность детализировать или выразить какие-либо новые стороны этой связи.

и вместе с тем не исключено существование языков, удовлетворяющихся минимальным числом «поверхностных» конструкций. Должен ли лингвист, занимающийся контрастивными исследованиями, каждый раз сводить конструкции сопоставляемых языков к общей «глубинной» структуре и затем поэтапно сравнивать звенья трансформационных цепочек между собой или вопрос должен идти только об общей «накладываемости» двух схем — деревьев трансформации? Выбор процедуры анализа языкового материала надо обосновывать.

Использование трансформационного анализа и возведение конструкций двух сравниваемых языков к одной и той же «глубинной» основе диктовалось (как нам кажется) не только желанием выяснить содержательную сторону этих конструкций, но и стремлением найти методическую опору для их сравнения. Однако при подобном подходе к анализируемому материалу неизбежно возникала опасность обезличивания этого материала, игнорирование его специфических отличий, т. е. самого главного и существенного, что составляет цель контрастивных исследований. Возможен другой путь и метод сопоставления: найти, как точку опоры для сопоставления конструкций двух языков, тот общий (т. е. семантически одинаковый) элемент, который может быть в них выявлен и дальше проследивать «радиацию» значений этих конструкций в двух сопоставляемых языках. При этом могут наблюдаться как отдельные случаи совпадений периферийных значений, так и случаи радикальных расхождений.

Важно, однако, помнить: 1) «периферийность» значения при сопоставлении конструкций двух языков отнюдь не означает, что данное значение «периферийно» в системе того или иного языка. Иными словами, выявленная общая «точка опоры» для одного языка может быть действительно центральным значением данного грамматического элемента, но для другого языка находиться на периферии взятой грамматической категории. 2) Объем значения данной конструкции (или богатство ее семантических оттенков) может оказаться различным в двух языках. Поэтому отдельные, хотя и периферийные, значения в одном языке могут иметь нулевое отражение в другом.

Первое из вышеуказанных соображений требует, однако, некоторых оговорок и уточнений. Хотя выделяемое значение, общее для сопоставляемых конструкций двух языков, не обязательно должно быть центральным для каждо-

го из них (иными словами, достаточно, чтобы оно было центральным для одного языка), его периферийность для второго языка не может быть безгранично произвольной. Оказациональные и контекстуально обусловленные значения не должны приниматься в расчет при использовании вышеуказанной методики контрастивного сравнения. Иначе говоря, учитываются лишь значения парадигматические¹. Возможно, что те грамматисты, которые ставят акцент прежде всего на момент системной соотносительности элементов парадигмы, больше уделяя внимания соотношениям, чем качественной характеристике соотносимых элементов, могут возражать против вышеизложенных соображений и утверждать необходимость равенства форм, включающихся в парадигму. Но они не правы.

В каждом ряде, в том числе и в ряде парадигматическом, есть сильные и слабые звенья. Тем более это относится к группировкам, объединяемым по линии единства формы и вариантности значений. Следовательно, значения, лежащие далеко по периферии данного семантического пространства («поля»), могут оказаться слабыми и выявляться только при специфических функционально обусловленных условиях. Проанализируем в качестве иллюстрации те значения, основные и побочные, которые имеет в ряде языков грамматизованное глагольное словосочетание, составленное из глагола *иметь*+причастие II.

В современной англистике глагольной форме Present Perfect посвящено множество работ. В зависимости от той системы оппозиций, в которую исследователь включает данную форму при анализе ее значений, акценты расставляются по-разному, но при всем расхождении во мнениях представляется, что общее определение значения Present Perfect, в свое время сформулированное проф. Богумплом Тринка, остается вполне приемлемым. Последний писал: «Английский перфект употребляется для передачи того прошедшего действия или состояния, которое прочно ассоциируется с настоящим временем. Он обозначает 1) действие или состояние, которое началось в прошлом, продолжается до настоящего момента и возможно будет продолжаться и дальше, 2) событие в прошлом, которое было закончено непосредственно к настоя-

---

¹ Парадигма в данном случае понимается нами не как узкоморфологическое явление, а как категория семантически и структурно упорядоченного ряда.

щему моменту, 3) действие в прошлом, последствия которого сказываются в настоящем, 4) действие в прошлом, которое не воспринимается как отделенное каким-либо другим от сферы настоящего» (Trnka 1930, 26).

Многие грамматисты суммируют вышеуказанные случаи употребления Present Perfect в английском языке, говоря, что глагольная форма передает законченность действия при незаконченности времени (в противоположность формам прошедшего), что в целом справедливо. Однако при рассмотрении формы Present Perfect с функциональной точки зрения неизбежно возникают вопросы контекстуального ее окружения, противопоставленности в том или ином контексте другим формам глагола, вариантам значения в связи с лексическими потенциями употребленных глаголов и т. д.

В хорошо аргументированном исследовании, подкрепленном статистическим материалом, Б. Херцлик пишет, что можно выделить для Present Perfect группы в зависимости от наличия или отсутствия временных показателей адverbиального порядка и в каждой из этих групп по четыре подгруппы. В итоге он приводит следующую схему:

I Present Perfect — без временного показателя.

Подгруппы:

- 1) действие закончено в прошлом, результат сейчас,
- 2) действие закончено в прошлом, восприятие сейчас,
- 3) действие только что закончилось,
- 4) подразумевается, хотя и не выражено; действие еще может продолжаться.

Разница между группами первой и второй кажется на первый взгляд незначительной, но Херцлик подкрепляет ее следующими примерами из романа Г. Грина «Тихий американец». Для первой подгруппы: *Even the historical events have been rearranged* (5). Для второй подгруппы: *I've been in India, Pyle, and I know the harm liberals do* (94). Для подгруппы с временными показателями также выделяются четыре подгруппы:

- 5) действие закончено в период времени, который еще длится (*this year, today, ever, never, so far* и т. п.),
- 6) действие только что закончено (*just* и т. п.),
- 7) действие еще продолжается (*since, for*)²,

---

² Например: *I'm beginning to think that I've been quiet in this college for almost long enough* (C. Snow. *The masters*, 152).

8) действие закончено раньше в неопределенном прошлом (*before* и т. п.), (Herzlik 1976, 69). Таким образом, ряд значений (или вариантов значения) формы *Present Perfect* выявляется в определенных контекстах ее употребления.

Сопоставление значений *Present Perfect* и других форм глагола в английском языке, сравнение английской глагольной парадигмы с системами глагола в других европейских языках часто проводилось под знаком выявления видовых характеристик действия. Вайнрих в работе, посвященной роли глагольных времен в повествовании (*Erzählung*) и в высказывании, сопоставляет употребление перфекта со вспомогательным глаголом «иметь» в германских и в романских языках. Отмечая, что в английском сочетании глагольных повествовательных форм и точных временных показателей установилось и закрепились в более строгом виде, чем в других языках, Вайнрих вместе с тем указывает, что семантически поле повествования в английском шире, чем таковое в немецком, и поэтому часто приходится немецкий перфект в переводах на английский язык передавать простым прошедшим (Weinrich 1977, 71).

Немецкий перфект (т. е. сочетание «haben+причастие II») при анализе исторического (т. е. по своему характеру в основном повествовательного) текста употребляется на первый взгляд там, где повествующий хочет высказать свое отношение к излагаемым событиям, переходя, таким образом, в сферу субъективного высказывания. Однако это далеко не обязательно. Очень часто перфект и претерит безразлично чередуются в одинаковых ситуациях. Вайнрих ссылается на любопытный эксперимент, проведенный К. Линдгреном (Lindgren 1957, 40), который предложил ряду носителей немецкого языка рассказать ему какую-либо историю. Он обнаружил, что большинство начинали с употребления перфектных форм, а потом с переходом к подлинному повествованию переходили на употребление претерита.

Все это приводит Вайнриха к заключению, что немецкий перфект относится как глагольная форма к группе времен, употребляемых для высказывания, но он может как прошедшее время (*als Rückschautempus*) относиться к сфере прошлого, так же как к сфере прошлого относится повествовательный претерит (Weinrich 1977, 67). В своем распределении форм глагола француз-

ского языка по группам высказывания (I) и повествования (II) Вайприх приводит следующую схему: (Weinrich 1977, 57).

I	II
Passé composé	Plus-que-parfait
Présent	Passé antérieur
Futur	Imparfait
	Passé simple
	Conditionnel

На первый взгляд употребление французского сложного прошедшего для сферы прошлого сходно по своим параметрам с совершенными формами немецкого или английского языков. Однако вытеснение в современном французском языке прошедшего простого из группы глагольных форм, употребляемых для повествования, осложняет дело. Начавшаяся еще в средневековье конкуренция форм простого и сложного прошедшего привела к практическому исчезновению в разговорном французском языке прошедшего простого³.

Таким образом, сложное прошедшее наряду с имперфектом употребляется в повествовательной речи в современном французском языке, отличаясь в этом отношении от структурно тождественных итальянских форм прошедшего ближайшего (*Passato prossimo*), образованных с вспомогательным глаголом *avere* 'иметь', которое употребляется для высказываний, если следовать функциональному распределению глагольных форм, даваемого Вайприхом. Для испанского языка совершенные сложные формы (глагол *haber*+причастие), т. е. *Perfecto compuesto* в его функциональной соотнесенности с простым совершенным (т. е. *Perfecto simple*), подвергались, по свидетельству Вайприха, любопытному статистическому сравнению в работе П. Болео (Boleo 1936).

В речи повествовательного характера (был взят роман Pérez Galdós «Doña Perfecta») отчетливо преобладал пер-

³ В советской романистике для наименования сложной формы с глаголом *avoir* нет общепринятого термина. *Passé composé* переводят как «перфект», «сложное прошедшее», иногда как «результативное настоящее» (Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. М., 1964, с. 138). Также и во французских грамматиках вместо *Passé composé* можно встретить термин *Passé indéfini*, а вместо *Passé simple* — *Passé défini*.

фект простой. Его соотношение по отдельным главам с перфектом сложным 131 : 22; 77 : 28; 110 : 25. Наоборот, в языке ньесы (было взято произведение Venavente «De muy buena familia») отчетливо выявилось преобладание перфекта сложного. Соотносительность глагольных форм такова: перфект простой 20 — перфект сложный 62 в первом акте и в том же порядке 14 : 77 в акте втором (Weinrich 1977, 82) ⁴.

Материалы работы Вайнриха, задуманной вовсе не как контрастивное исследование, позволяют сделать ряд заключений, плодотворных для контрастивной грамматики. Сравнение глагольных форм, одинаковых в смысле морфологической модели (глагол «иметь» + причастие) в близкородственных языках, какими являются романские языки и, хотя и не столь близкородственных, по все же генетически близких (германские языки), позволяет проследить роль парадигматики в распределении функций и значений однородных форм в разных языках, выяснить сильные и слабые звенья глагольных систем, определить зоны столкновения конкурирующих форм и возможные случаи их «наложения» без заметного семантического сдвига. Последнее, разумеется, свидетельствует о том, что каждая форма включает некоторую совокупность отдельных значений, взаимосвязь которых играет важную роль для возможности их дифференцированного употребления.

В какой мере общность структуры (аналитическая форма) и единство вспомогательного глагола (глагол «иметь») предполагает сходство в значении данных глагольных форм в различных языках — проблема особого рода. Разумеется, при образовании данного глагольного словосочетания в начальный период его грамматикализации лексико-грамматические свойства компонентов, его составляющих, определили значение целого. Однако при включении в глагольную парадигму семантико-грамматические соотношения с другими членами глагольных рядов могли в каждом отдельном языке привести к таким

---

⁴ Мы употребили здесь термины «перфект сложный» и «перфект простой», следуя работе Вайнриха. В советской испанистике чаще употребляется в первом случае термин «сложный претерит» и во втором «простой претерит». В испанских грамматиках пестрота наименования этих глагольных форм значительна: Pretérito perfecto = Pretérito compuesto = Pretérito perfecto actual; Pretérito indefinido = Pretérito simple = Pretérito absoluto.

изменениям, которые не только в функционально-стилистическом (язык повествования и язык высказывания), но и в чисто грамматическом плане обусловили дивергентное развитие генетически единых форм в родственных языках.

Поэтому с полным основанием Вайнрих пишет: «Английский перфект не может быть приравнен к немецкому перфекту, поскольку, как правило, вообще никакая глагольная форма времени одного языка не может быть приравнена к глагольной форме другого языка. Каждая глагольная форма является прежде всего частью системы времен глагола данного языка, и сравнимы только глагольные системы. Так как, однако, немецкий и английский имеют то общее, что в структурном отношении распределяет систему времен глагола по двум сферам — повествования и высказывания, имеют немецкий перфект и английский перфект, то общее, что оба они относятся к системе времен, принадлежащих к сфере высказывания. Как бы не было различным их употребление в отдельных случаях, оба признака «для высказывания» («besprechend») и «обращенный к прошлому» («rückschauend») остаются общими. Различия лежат в таком случае в комбинаторике (Weinrich 1977, 69).

Нет сомнений, что целостные системы как «большие», так и «малые», сравнивать удобнее, так как аргументация сходств и различий между их элементами, разных форм комбинирования этих элементов, их противопоставлений один другому и т. д. выглядит всегда более убедительной, так как располагает большим арсеналом фактов. Об этом уже говорилось выше (см. Глава I). Однако при контрастивном исследовании двух языков может встретиться необходимость сравнить их отдельные, в каком-либо отношении подобные элементы, особенно если исследователь исходит из убеждения, что при всех связях и опосредованиях элемент языка имеет свое значение, свойственную ему семантику, которая в свою очередь в значительной мере предопределяет его «комбинаторные» потенции.

Именно эти соображения заставляют нас при учете периферийных значений искать ту центральную семантическую зону, которая может быть общей для однопорядковых форм двух языков. Факт свершения действия и факт его связи с тем, что продолжает существовать и в настоящий момент, отмечали все грамматисты, зани-

мавшиеся рассмотрением сочетания «иметь+причастие» в различных европейских языках.

Определение семантического поля и специфики употребления этой формы в том или ином языке зависимо не только от фактов, находящихся в языке, но и от того, в каком контексте идей и суждений велось само исследование. Последние десятилетия в лингвистической науке были отмечены возрастающим интересом к связи лексики и грамматики. В сочетании с поисками решения проблемы «вид и время» для неславянских языков это привело к исследованиям по предельным и непредельным глаголам и к ряду интересных разработок по проблемам сопоставительной аспектологии. В этом плане надо отметить сборник «Вопросы сопоставительной аспектологии» (Л., 1978) с большой статьей Ю. С. Маслова, освещающего теоретико-методологические основы сопоставительной аспектологии.

При понимании аспектуальности как явления более широкого, чем категория вида, а сам вид определять как наиболее грамматизованную часть поля аспектуальности, выявляемую с помощью системы оппозиций (Маслов 1978, 22), становится ясным, что глагольный вид не может быть глобальной универсалией и его удельный вес различен даже в тех грамматических системах, глагольные парадигмы которых обладают видовыми значениями.

Справедливо Ю. С. Маслов замечает, что «есть языки и вовсе без вида», или, может быть, точнее — с ослабленными и почти утраченными старыми и недоразвившимися новыми видовыми оппозициями, например, немецкий (Маслов 1978, 31). Далее автор отмечает, что старые перфектные формы (т. е., унаследованные от праязыкового состояния) утратили видовую окраску, а новый сложный перфект с настоящим временем вспомогательного глагола (*ich habe geschrieben* и подобные примеры) потерял в немецком языке и свою таксическую семантику. Иными словами, перестал обязательно выражать понятие предшествования или (по иной формулировке) характеризовать сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту (что, по-видимому, сохранила английская форма *Present Perfect*). Поэтому семантически немецкий сложный перфект сблизился с прошедшим (*ich schrieb*), в видовом отношении не отмеченным (Маслов 1978, 31).

Осознание необходимости рассматривать в пределах аспектологии не только вид, но и смежные или сходные с видом явления в различных языках, и введение в научный обиход наряду с понятиями вида и времени также понятия «таксис» (под которым подразумеваются хронологические соотношения действий, например, одновременность — предшествование — следование) помогает избежать той односторонности, которая часто проявлялась при подходе к глаголу современных германских или романских языков с мерками, выработанными грамматистами при наблюдении видовых оппозиций в глаголе славянских языков.

Безусловно, из-за многоплановости значения ряда глагольных форм, в частности, разбивавшейся нами выше форме нового перфекта, образовавшегося на основе словосочетания с глаголом «иметь» и некоторыми другими служебными глаголами, возможно проведение исследования с целью выяснить, как передается характер протекания действия, что выражено грамматической категорией вида и оппозицией совершенного и несовершенного вида, в одних языках, по сравнению с теми языками, которые подобных оппозиций в своей глагольной парадигматике не имеют. Однако это будет не та форма контрастивного исследования, которую мы пытаемся обосновать в настоящей работе, а подход к явлениям языков со стороны избранного исследователем понятия и поисков форм его передачи в языках. О положительных и отрицательных сторонах такого подхода уже говорилось выше (см. Глава I). То, что кажется нам нежелательным при характеристике форм языка со стороны их значений, — это чрезмерная односторонность или иногда категоричность утверждения одного из возможных значений и употреблений данной формы. Использование подобных описаний для последующих сопоставительных и контрастивных работ крайне затруднительно.

Характеризуя употребление времен в провансальском языке в сопоставлении с французским языком, М. С. Гурьева писала: «Прошедшее время выражено в двух формах, которые различаются по видовой характеристике; это различие характеризует прошедшие времена провансальского и французского языков. Претерит указывает на действие, реализовавшееся в законченном периоде времени. Эта форма времени в исторической грамматике носила название перфекта, так как в основу ее был по-

ложе латинский *perfectum*. Значение этой формы в романских языках изменилось, и специалисты по провансальскому языку по праву называют эту форму претеритом. Функции перфекта выполняет сложная форма, которая в грамматике провансальского языка носит это название. Перфект провансальского языка соответствует *passé composé* (во французской описательной грамматике) — по своему основному значению эти формы являются результативным настоящим, которое, однако, часто имеет значение результативного прошедшего» (Гурычева 1964, 151—2).

Следовательно, для перфекта (сложного прошедшего по другой терминологии) дается характеристика прежде всего со стороны видовой; основное его значение — это результативность, а претерит (старый перфект или по другой терминологии простое прошедшее — фр. *Passé simple*) характеризуется как указывающий на однократные, следующие друг за другом действия (Гурычева 1964, 152).

Английская глагольная форма *Present Perfect* также характеризуется во многих грамматиках как выражающая в первую очередь «результативность». Другая попытка возвести одно из возможных ее употреблений в абсолют представлена в изобретении особой категории временной отнесенности, что, по мнению англистов, поддерживающих эту точку зрения, едва ли вообще не выводит *Present Perfect* за пределы темпоральной системы. Разумеется, при сопоставлении однородных систем близкородственных языков возможно их исследование, исходя из таких предпосылок, которые методически удобны именно для данного материала (см., например: Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. М., 1972).

Вместе с тем для полноты понимания условий функционирования той или иной грамматической формы и определения ее места в парадигматической системе данного лексико-грамматического разряда (части речи) необходим всесторонний учет основных и периферийных значений, тем более, что при историческом развитии группы родственных языков выдвижение на первый план в одном языке (или в некоторых языках) новых оппозиций из-за появления семантически сходных конструкций нарушает исходную сбалансированность старых связей. Последним, конечно, занимается не контрастивная лингвистика, в своей основе синхронная, а историческая типо-

логия данных языков, по всегда существует опасность, что над исследователем будут витать «тени прошлого», или, наоборот, он окажется подвержен стихии неудержимого новаторства. Во всех подобных случаях гарантией успеха является трезвая опека фактического материала, а одна из форм его анализа для контрастивной грамматики часто оказывается весьма полезной. Мы имеем в виду некоторые работы, основанные на сличении переводов одного и того же текста на различные языки, и получение, следовательно, параллельных рядов, где анализируемая грамматическая форма предстает перед исследователем в семантическом и синтаксическом контексте. Подобные «заготовки», хотя часто они проводятся совсем с другими целями, помогают в решении трудных вопросов связи формы и значения в сопоставляемых языках.

Рассматривая соотносительность видовых форм английского и русского глагола на материале русских переводов таких английских авторов, как Ш. Бронте, Дж. Голсуорси, О. Уайльд можно видеть, что противопоставление совершенного и несовершенного видов в глаголе русского языка используется для выявления тех аспектуальных значений, которые в таких формах английского языка, как, например, Present Perfect связаны с лексикограмматическими группами предельных и непредельных глаголов. Автор работы Н. А. Козинцева показывает, что прошедшим временем совершенного вида переводятся формы Present Perfect и Past Perfect, если подразумевается однократное, достигшее предела действие. Например, *I've come to look you up and see that everything's all right* (*J. Galsworthy. To Let, 207*) «Я пришел повидать вас и посмотреть, все ли у вас благополучно». Несовершенный вид употреблен для перевода Present Perfect в тех случаях, когда обозначается однократное, но не имеющее предела действие или передается неоднократное, достигшее или не достигшее предела в каждом отдельном акте, локализованное действие. Примеры, приведенные автором статьи для первого случая: *We've known it would come some day* (*ibid. 67*) «Мы знали, что это придет»; для второго случая: *I've often wondered whether we've been right to keep it from him* (*ibid. 66*) «Я часто раздумывал, правы ли мы, скрывая от него» (Козинцева 1978, 96—97).

Приводя результаты подсчетов употребления глагольных форм в русских переводах произведений Дж. Гол-

суорси, автор статьи дает, в частности, следующие цифры: Present Perfect передается русским несовершенным видом 69 раз (33%) и совершенным видом 141 раз (67%) (Козинцева 1978, 93). Любопытно, однако, то, что английская форма Present Indefinite в переводах встретила не только с передачей ее несовершенным видом (134 случая — 89%), что, разумеется, вполне естественно, но и с передачей ее совершенным видом (17 случаев — 11%). По нашему мнению, Н. А. Козинцева права, когда после анализа цифровых показателей делает осторожный вывод, что «эти количественные данные свидетельствуют об известной функциональной близости, наблюдаемой между а) некоторыми английскими формами и б) некоторыми английскими и русскими видо-временными формами» (Козинцева 1978, 94).

Действительно, полной адекватности между значениями грамматических форм в разных языках быть не может потому, что объем значений каждой грамматической формы в данном языке связан с распределением близких понятий между всеми членами парадигматической системы, в которую входит эта форма. Почему, например, если вернуться к материалам, приводимым в вышеупомянутой статье Козинцевой, английский Past Indefinite переводится на русский язык чаще через совершенный вид (186 случаев — 69%), чем через несовершенный вид (83 случая — 31%), хотя, казалось бы, можно ожидать обратного соотношения?

Дело в том, что формы Indefinite имеют очень широкое значение и могут означать как однократное или как достигшее своего предела действие в прошлом, так и действие обычное, неоднократное, обстоятельственно-неопределенное. Это происходит отчасти потому, что сложная перфектная форма (т. е. Past Perfect), которая могла бы взять на себя функцию выражения законченного действия, иначе говоря, достигшего своего предела, приобрела специализированное значение предпрошедшего и может быть уподоблена французскому Plus-que-parfait. Соответствие оппозиции «совершенный / несовершенный вид» глагола русского языка скорее, чем в английском, можно найти во французском языке в оппозиции Passé défini / Imparfait.

Хотя, как говорилось выше, Passé défini было вытеснено из многих зон своего употребления формой Passé composé (или по другой терминологии Passé indéfini),

в повествовательном тексте его чередование с формами *Imparfait* направлено на передачу видовой характеристики действия. Подаром Т. Г. Акимова, анализируя перевод «Детства» М. Горького на французский язык, пишет, что формы прошедшего времени совершенного вида при их сплошной выборке из текста (221 пример) все без исключения были переведены на французский язык с помощью *Passé simple*, в то время как в большинстве случаев (390 из 406) прошедшее время несовершенного вида передавалось формами *Imparfait* (Акимова 1978, 77).

Категория вида—времени неоднократно служила темой для сопоставительных работ, так как время совершения действия и характер протекания этого действия так или иначе должен быть отражен в системах различных языков. Претворение этих понятий в лексико-грамматических и грамматических категориях сообразно индивидуальным типологическим чертам данного языка имеет свою специфику для каждого языка, но по более общим признакам выражения грамматических значений типологически, а особенно генетически близкие языки имеют общие черты.

При сравнении английского и сербохорватского языков видно, что соответствия английскому *Present Perfect* сообразно различным оттенкам его значения в сербохорватском языке во многом схожи с отражением этой английской глагольной формы в русском. Примеры, приводимые автором статьи: англ. *He has just left* — ср.-хорв. *Upravo je otišao* (прошедшее совершенное); англ. *They have lived here for years* — ср.-хорв. *Već godinama tu stanuju* (настоящее) (Kochrane 1978, 43). Происходит это потому, что 1) в сербохорватском, как и в других славянских языках, существует видовая оппозиция совершенного — несовершенного вида; 2) из-за отсутствия специальной формы подобной англ. *Present Perfect* оттенки его значения распределяются между формами настоящего и прошедшего в сербохорватском, с использованием (как мы видели выше) тех возможностей, которые представляет лексико-грамматический подразряд перфективных глаголов.

По мнению многих грамматистов, временная система в английском языке представляет триаду *speech time* (момент речи) — *reference time* (подразумеваемый период времени) — *event time* (время совершения действия). Во многих языках, в том числе и в сербохорватском,

временная система отражает только отношение момента речи и времени совершения действия. Разумеется, то, что укладывается в понятие «reference time» может быть с успехом отражено различными паречными элементами или найти себе выражение в широком контексте высказывания, но это уже выходит за рамки глагольной парадигматики и значений, передаваемых ею.

Какое же из тех многочисленных значений (результативности, указания на недавнее прошлое, на ситуацию, существующую и в настоящий момент и т. д.), которыми обладает Present Perfect, разумно взять как базу для сравнения с материалом других языков? Из того, что говорилось выше по поводу Present Perfect можно заключить, что при сравнении между собой языков, обладающих схожей с ним по модели аналитической формой глагола (глагол «иметь» + причастие II), а также с привлечением языков, имеющих иное членение темпоральной системы, приходится взять очень общее значение «совершенного локализованного действия без обязательной лимитированности времени его совершения». Результативность, перфективность, однократность, отмеченность предшествования одного действия другому, хотя и могут для того или иного языка выделяться как главные или, наоборот, не входящие в орбиту значения сравниваемой формы (являясь принадлежностью других форм глагольной парадигмы) — все это должно учитываться при семантическом и функциональном анализе, но не может быть исходным пунктом контрастивного исследования. В той же мере для сравнения форм имперфекта (претерита), видимо, приходится избирать значение «общей характеристики действия, имевшего место в прошлом по отношению к моменту сообщения об этом действии» с целым рядом уточнений применительно к отдельным языкам.

Следовательно, избрание семантической основы как центрального значения исследуемой формы и ее периферийных значений как целого круга радиаций этого центрального значения поможет проведению контрастивных исследований на единой базе. В связи с вышеизложенной методикой могло бы быть выдвинуто иное альтернативное предложение. Поскольку мы указывали, что контрастивная грамматика оперирует материалом двух сопоставляемых языков, то не лучше ли каждый раз брать за основу именно ту общую черту, которая в равной мере типична для исследуемой формы в этих язы-

как; иными словами (возвращаясь к примеру сложного перфекта), при сравнении голландского и английского брать значение предшествования действия (как утверждают некоторые германисты, именно оно свойственно сложному перфекту этих двух языков), а для других двух языков значение результативности и т. д. Но по поводу этого возможного возражения необходимо высказать следующие соображения.

Хотя в контрастивной грамматике, по нашему убеждению, языки должны сравниваться попарно, вовсе не исключена возможность составления в дальнейшем контрастивных грамматик, охватывающих целый ряд языков (подобно параллельным многоязычным словарям). Следовательно, одинаковая исходная точка сравнения для «парных» исследований гарантирует сопоставимость и сопоставимость материалов и для «многоязычных» работ.

Стремясь сохранить принцип единства формы и содержания при анализе грамматического строя языка, лингвист вынужден как отправную точку брать значение формы как в ее материальном (т. е. структурном) воплощении, так и в ее парадигматических связях. Опасно, как неоднократно мы указывали выше, исходить из «общих» понятий — это уже относилось бы к области универсалий (см. главу I).

Делимитация значений может зависеть, но иногда и не зависит от морфологического строя сопоставляемых языков. Если взять в качестве примера категорию артикля в венгерском (агглютинативном, с элементами флективности) и во французском и английском (языки аналитического склада), то многое в них окажется подобным, несмотря на различие морфологических структур. В отношении французского и венгерского можно сказать, что микросистемы совпадения в целом весьма различны в своих подразделениях. Наличие особого партитивного артикля (*du, de la*) во французском языке при отсутствии такового в венгерском восполняется частично в венгерском тем, что нулевой артикль выступает как недостающий член системы, в то время как во французском нулевой артикль появляется в весьма ограниченных ситуациях. Вместе с тем в венгерском существует другой способ передать партитивные отношения путем употребления суффикса *-ból/-ből*.

Однако устанавливая это соотношение в семантическом плане, поскольку французский партитив основан

на употреблении *de*, показателя происхождения, а *-ból* является индикатором отправной точки, грамматисты предупреждают, что французский партитив лишь частично соответствует *-ból/-böl*. Так, (*je mange*) *de la soupe* соответствует либо *levest (eszem)* типу родового партитива (*partitif générique*), либо (*eszem*) *a levesböl* типу специализированного партитива (*partitif spécifique*), относящегося к единичному объекту.

Перро, останавливаясь на этом примере, пишет: «На самом деле скорее следовало бы сказать, что в венгерском выражено лишь родовое понятие (с употреблением нулевого артикля), и здесь можно говорить о партитиве только в плане семантики, в то время как во французском выражена партиitivность, а разница между родовыми и единичными значениями выясняется чисто семантически или данными контекста и ситуации (*je mange habituellement de la soupe / je mange de la soupe qui m'est ici servie*) (Perrot 1974, 7). Перро полагает, что семантически оппозиция «определенного — неопределенного» артиклей в венгерском и во французском сходна, так же как соответственно одинаково их происхождение (определенный артикль от указательного местоимения, неопределенный — от числительного «один»), но их распределение по зонам употребления имеет существенные отличия. Во французском языке неопределенный и партиitivный артикли, передавая частичное явление, противостоят вместе артиклю определенному, выражающему целостное явление (Perrot 1974, 9).

Соответствие трех артиклей венгерского языка: определенного *a, az*, неопределенного *egy* и нулевого для тех англистов, которые включают в число английских артиклей также и *some* (*some water, some books*), выглядит как отношение трех единиц (венгерский) к четырем (английский). Что между двумя языками общего? Е. Стефанидес в большой монографии, посвященной проблеме сравнения артикля в английском и венгерском пишет, что «большинство именных конструкций в обоих языках содержит один из артиклей. Артикли почти всегда стоят во фразе как первые ее члены, сигнализируя наличие имени и отмечая границу именной конструкции. В этих функциях все артикли (с выраженной формой — т. е. не нулевые) одинаковы; по каждый из них выражает еще и что-либо дополнительно» (Stephanides 1974, 10). Однако помимо разницы в отдельных случаях употребле-

ния и возникающих поэтому различиях в семантических оттенках артикль в венгерском, как и артикль в английском входят каждый в морфологическую систему «своего» языка, имеющую особые типологические черты.

По материалам цитированной выше монографии Стефанидес видно, что в обоих языках, венгерском и английском, употребление определенного артикля требуется 1) перед существительным, которое было определено раньше путем предыдущего его упоминания в тексте, 2) перед теми существительными, референты которых известны из предыдущего изложения, или 3) перед существительным, референт которого может быть обозначен и поэтому может считаться известным, хотя и без предыдущего упоминания (т. е. случай: Give me the book — Add ide a könyvet; The sun shines brightly there all year — Egész évben ragyogóan süt ott a nap) (Stephanides 1974, 11–12).

В венгерском языке наличие определенного артикля тесно связано с выбором соответствующего спряжения глагола (известно, что венгерский глагол имеет два ряда суффиксов лица, один ряд для спряжения неопределенного, второй — для спряжения определенного). Когда существительное с определенным артиклем или каким-либо другим детерминантом служит дополнением, глагол употребляется в спряжении определенном.

Грамматическое явление такого рода специфично для строя венгерского языка и не имеет ни малейшего подобия в системах глагола английского или французского языков. Следовательно, несмотря на различие в морфологической структуре, упомянутые языки разделяют базовые признаки категории «определенность — неопределенность», последнее сказывается и в семантической эволюции артиклей из однопорядковых элементов. Но внутреннее членение семантического поля «определенности — неопределенности» в своих частностях различно, так же как и зависимость от грамматических характеристик других частей речи. Для полноты картины надо упомянуть, что как часть из детерминирующих элементов, существующих в языке, артикли входят в обширную группу детерминативов (таких, как притяжательные местоимения, порядковые числительные и т. п.). Их состав в двух языках может быть различен и тем более могут быть различны функционально-семантические координаты их употребления.

Учет всех подобных обстоятельств, разумеется, усложняет контрастивное исследование, но зато обеспечивает исчерпывающую полноту и убедительность в выводах. Возвращаясь к подробно разбиравшемуся выше вопросу о видовых значениях глагольных форм, где мы использовали материал языков более или менее схожих типологически и связанных между собой генетически, упомянем, что при семантических корреспонденциях языков с типологически различной морфологической системой, не только грамматические приемы как таковые, но также их парадигматическое распределение заставляет сравнивать не единичные формы двух языков, а более емкие ряды.

Как решить, например, вопрос, чему соответствует в венгерском французская форма глагола *Passé composé*? В работе, затрагивающей этот вопрос, Келемен констатирует, что в 70% случаев формы *Passé composé* с перфективным значением передаются венгерскими глаголами с перфективными приставками. Такие венгерские превербы, как *le-*, *meg-*, *fel-*, *el-* выражают завершенность, результативность. Однако Келемен приводит достаточно большое число случаев, где перфективный по своему значению французский глагол соответствует имперфективному венгерскому, а перфективность сообщается не превербами, а чисто синтаксическими средствами, например, препозицией дополнения, не говоря уже о том, что двум французским формам — *Passé simple* и *Passé composé* противостоит только одна форма прошедшего в венгерском. Большой набор суффиксов, образующих глаголы как от именных, так и от глагольных основ, создает для венгерского языка возможность использовать многочисленные глаголы с аспектуальными значениями множественности, интенсивности, достигнутой и т. д.

Не вдаваясь в изложение спорного вопроса о наличии в венгерском виде как грамматической категории (*Aspekt*) и его отграничения от видов действия (*Aktionsarten*) (Келемен 1974, 48), мы считаем, что именно отличия венгерского от славянских языков, где существует оппозиция «совершенный/несовершенный вид» и от современных германских и романских, где видовые различия подаются в синтезе с категорией времени, закрепленной в парадигматике, делают необходимым избирать для контрастивного сравнения более крупные отрезки текста.

Нам представляется, что при изучении явлений грамматики в плане типологического и контрастивного срав-

нения языков можно плодотворно использовать положение А. В. Бондарко о необходимости проводить различие между понятием «грамматическая категориальность» и понятием грамматической категории. По его мнению, первое понятие является более широким, чем второе. Так, категориальностью (хотя и особого рода) могут характеризоваться лексико-грамматические разряды (например, существительные одушевленные и неодушевленные, собирательные, вещественные, глаголы предельные и не-предельные). А. В. Бондарко указывает, что «не все, что охватывается понятием категориальности в грамматике, можно рассматривать как грамматические категории» (Бондарко 1978, 142). Трактовка морфологической категории как системы противопоставленных друг другу морфологических форм помогает избежать опасности «размывания» чисто грамматических значений, окруженных морем сопредельных понятий.

В предыдущих главах мы неоднократно указывали, что грамматические значения в своем категориальном проявлении неадекватны в различных языках. Во-первых, на типологии грамматических значений не может не сказываться характер их структурно-грамматического оформления. В турецком языке, так же как и в других тюркских языках, залоговые значения передаются в пределах морфологии особыми аффиксами, присоединяемыми к глагольным основам. Эта процедура морфологически сразу выявляет значения страдательности, возвратности, взаимности, каузативности: *uzmak* 'писать' — *uzılmak* 'быть написанным'; *giymek* 'одевать' — *giyinmek* 'одеваться'; *uzmak* 'писать' — *uzışmak* 'писать друг другу'; *yemek* 'есть' — *yedirmek* 'заставить есть', 'накормить'. В английском языке соответствующее содержание приходится передавать лексико-синтаксическими средствами (взаимность, каузативность) или аналитическими формами в пределах глагольной парадигматики, хотя даже не все англичане считают сочетание «be+причастие II» морфологизованной формой выражения страдательного залога (Ярцева 1976, 195).

При некотором общем подобии оттенки и варианты грамматического значения могут оказаться столь различными в двух языках, что приводят к сомнениям о правомерности применения самого термина, созданного на основании исследования материала определенной группы языков к языкам, обладающим иными соотношениями

в пределах их грамматических систем. В этом плане показательна трактовка термина «вид глагола», понимание которого складывалось на основании исследования вида глагола в славянских языках. Сравнивая языки русский и французский, В. Г. Гак справедливо замечает: «В русском языке категория вида — одна из основных категорий глагола. Возможность образования форм времени зависит от вида. Типы спряжения также связаны с видом. Вид неотделим от лексического значения многих глаголов. В системе французского глагола имеется два явления, в которых усматривают категорию вида и которые нередко сопоставляют с русским видом: 1) противопоставление простых и сложных времен; 2) противопоставление точечных и линейных времен». Автор приходит к заключению, что возможны поэтому четыре трактовки категории вида во французском языке, зависящих от понимания исследователем характера различных оппозиций (Гак 1977, 158).

Понимание специфики данной категории в каждом из сравниваемых языков и функционально-семантическая трактовка этой категории помогает В. Г. Гаку теоретически правильно поставить и решить вопрос об адекватности и неадекватности значений глагольных форм во французском и русском языках. Но нет ничего удивительного, что некоторые романисты отрицают наличие вида в глаголе французского языка, а некоторые, наоборот, считают, что вид пронизывает всю его глагольную систему.

При сопоставлении близкородственных языков некоторые из вышеуказанных трудностей снимаются, так как отдельные грамматические подсистемы могут в них совпадать, но не следует ожидать, что будут совпадать все подсистемы. Видовые оппозиции в системе глагола в славянских языках во многом подобны, но хотя грамматическая категория рода присуща как русскому, так и болгарскому языку, при родовом определении существительных наблюдаются существенные различия (Димитрова 1978, 49—55).

Различия в подсистемах близкородственных языков явственно выступают при анализе семантико-синтаксического функционирования их членов. Иначе говоря, даже при одинаковом составе этих подсистем контрастное исследование выявляет различия в частотности отдельных типов, в возможности их сочетаемости (валентно-

сти) и т. д. Сравнивая основные функции указательных местоимений в болгарском, белорусском и русском языках, Б. Ю. Норман приходит к заключению, что они обладают значительным своеобразием. Система указательных местоимений в болгарском несколько более разветвлена, чем в белорусском и русском языках, а внутреннее строение самой местоименной системы в каждом языке отражает своеобразие его грамматического строя (Норман 1976, 54—62).

Функционально-семантический анализ языкового материала, плодотворный и необходимый для контрастивного исследования, все же не может быть безграничным. Возвращаясь к вышеупомянутой работе Вайприха, мы видим, что, когда исследователь исходит из понятия, тем или иным способом выражаемого в ряде языков, его подстерегает опасность сместиться в область глобальных универсалий и утратить понимание специфики самого грамматического строя сравниваемых языков. Именно поэтому мы и возражали против методики безоговорочного возведения сравниваемых конструкций к некоей «глубинной основе». Язык материален, синтаксические модели всегда несколько абстрактны. Недаром О. Эсперсен писал: «Вопрос об универсальной морфологии никогда не возникал; ясно, что реально существующие форматы, так же как их функции и значения, бывают настолько различными в разных языках, что все, относящееся к ним, приходится излагать в грамматиках конкретных языков, за исключением разве нескольких общих положений о фразовом ударении и интонации. Только в отношении синтаксиса наблюдалась тенденция отыскать нечто общее для человеческой речи в целом, нечто непосредственно основанное на самой природе человеческого мышления, иначе говоря, на логике, и поэтому стоящее выше случайных форм, существующих в том или ином конкретном языке» (Эсперсен 1958, 55). Контрастивная грамматика по самой своей сути должна быть основана на анализе конкретных языков.

При рассмотрении категориальных грамматических значений, проявляющихся в строе сопоставляемых языков, мы неоднократно указывали на возможности сочетания элементов различных уровней структуры языка. В частности, хотя речь шла о грамматических категориях, приходилось учитывать корреляции лексического уровня языка, особенно в тех случаях, когда это касалось кон-

трастивного сопоставления языков, далеких по своим типологическим характеристикам. Однако имеется один аспект трактовки лексического состава каждого языка, непосредственно связанный с характером его морфологической структуры. Это — то подразделение на лексико-грамматические разряды, чаще называемые частями речи, которое существует в каждом языке. Сетка подразделений подобных разрядов или классов отличается значительным своеобразием для отдельных языков, тем более что из-за комплексности черт, характеризующих члены этих разрядов, выделение, да и само число «частей речи» в большой мере зависит от критериев, избираемых исследователем языка.

История языкознания изобилует острыми спорами, которые велись составителями теоретических грамматик для языков мира, и смена взглядов на принципы учения о частях речи приводила к пересмотру номенклатуры и определения лексико-грамматических разрядов даже для хорошо известных языков. Лингвист, занимающийся контрастивной грамматикой, заинтересован прежде всего в определении 1) самого числа частей речи в сравниваемых языках, 2) состава категорий, характеризующих отдельные части речи, и 3) деривационных связей, существующих между отдельными частями речи в данном языке. Последний, третий вопрос, как нам кажется, при всей своей значительности стоит все же особняком, может быть предметом отдельных изысканий, а в теоретико-методическом плане создает меньше трудностей, чем вышеупомянутые проблемы — первая и вторая. Дело в том, что понятийная сфера человеческого опыта, выражаемая средствами языка, не может быть уцербной, и если в каком-либо языке отсутствует тот лексико-грамматический разряд, которому в других языках традиционно свойственно выражение той или иной группы понятий, то рядом стоящий соседний разряд берет на себя эту «нагрузку», результатом чего при сличении грамматических значений, существующих в сопоставляемых языках, создается впечатление их перераспределения по отношению к различным частям речи.

В подтверждение можно привести достаточно банальный пример, когда язык (хотя бы современный английский), обладающий бедными аффиксальными ресурсами для образования особых разрядов слов, передающих понятие отношения к материалу (то, что в некоторых дру-

гих языках, например в русском, передается категорией относительных прилагательных), широко использует существительные в роли примененных определений: рус. *мраморная лестница* — англ. *marble staircase*, рус. *кожаный пояс* — англ. *leather belt*. В языках мира дело не ограничивается подобными простейшими случаями. Понятия действия и состояния, субстанции и качества, носителя (или источника) действия и объекта воздействия, а также многие другие настолько по-разному отражаются в лексико-грамматической структуре языков, что для полноты контрастивного анализа оказывается необходимым учитывать весь комплекс значений, присущих частям речи данного языка.

Что касается грамматических категорий, характеризующих отдельные части речи, о чем в связи с проблемой отношения формы и содержания мы упоминали во второй главе настоящей работы, то их наличие в большой мере помогает самой выделительности разных частей речи, особенно если эти категории выражены в противопоставлениях морфологических парадигм.

Естественно, что контрастивный анализ частей речи и сходных и различных форм их дистрибуции в сравниваемых языках должен опираться на предварительное описание лексико-грамматических разрядов, зафиксированное в теоретических грамматиках этих языков. Однако нестрога мнений и разногласия в самих критериях выделения частей речи в том или ином языке столь велика, что чаще всего лингвистам, занимающимся контрастивным анализом, приходится прибегать к своей собственной методике подачи языкового материала. Например, Себюктекин в своей контрастивной турецко-английской грамматике подразделяет турецкие части речи на морфологические и синтаксические классы, характеризуя их прежде всего со стороны морфологической структуры.

Он пишет: «На уровне основы все морфологические классы в турецком языке определяются исключительно словоизменительными аффиксами. Глаголы — это основы, которые могут спрягаться с суффиксами времени *-di* и *-se*, могут встречаться изолированно или с серией суффиксов *-ün, -ün + -iz* в качестве императивов или могут появляться перед деривационными суффиксами причастий. Частицы — это основы (обычно корневые моносиллабические морфемы), которые не принимают никаких суффиксов. Имена — это все прочие основы» (*Sebüktekin*

1971, 38). Что касается синтаксических классов, то они, по существу, включают все изменяемые слова, как, например, имена с личными и притяжательными суффиксами, имена с глагольными основами и одним из серии деривационных суффиксов причастий, также принимающих личные суффиксы, глагольные слова, которые отличны от существительных тем, что у них глагольная основа сочетается с личными суффиксами, стоящими перед вопросительной частицей *-mî* и перед постпозитивными формами (гипотетического) вспомогательного глагола *i-mek.

С применением аналогичной методики описания Себюктекин характеризует и другие синтаксические классы: прономинальные, адъективные, адвербиальные и т. п. Довольно сложная сетка подобного описания материала турецкого языка имеет то неудобство, что она по существу не сводима со вторым объектом контрастивного анализа — английским языком, и поэтому в дальнейшем изложении автору вышеуказанной грамматики все время приходится говорить о том, в чем английский не похож на турецкий. Как могут быть функционально и семантически соотнесены формы двух языков, остается неясным, хотя сам автор предупреждает: «морфологическая классификация английских слов оставляет область, которая должна восполняться синтаксисом. Иными словами, флексии или (как в случае наречий) деривационные суффиксы в английском языке не отмечают всех членов синтаксических классов. Турецкие суффиксы последовательным и исчерпывающим образом выделяют части речи. Все глаголы могут спрягаться с *-di*. Все имена могут сочетаться с относительными, притяжательными и личными суффиксами» (Sebüktekin 1971, 41—42).

Известно, однако, что по целому ряду семантически значимых моделей турецкий и английский (несмотря на различие в их морфологическом строе) дают очень интересные параллели. Использование служебных глаголов для видовой характеристики действия, причем глаголов, сходных по своему основному лексическому значению, широкое использование неличных форм глагола в предикативной функции, использование неопределенной формы существительных в качестве приименного препозитивного определения, представлено как в турецком, так и в английском языках. Контрастивный анализ не может быть ограничен только перечислением морфологических

типов, так как категориальные значения не непосредственно зависят от морфологического строя языка.

Хотя отдельные части речи характеризуются определенными грамматическими категориями, набор и распределение этих последних в различных языках может иметь существенные расхождения. Прав П. Я. Скорик, когда пишет: «В разноструктурных языках даже основные части речи грамматически (по составу грамматических категорий) не являются тождественными. Так, существительное русского языка наряду с другими категориями характеризуется, как известно, категорией рода, в эскимосском языке она отсутствует, зато имеется категория принадлежности, а существительное ненецкого языка к тому же обладает еще категориями лица и времени. В одних языках глагольные категории лица и числа могут выражать отношение действия либо к субъекту (активная конструкция предложения), либо к объекту (пассивная конструкция предложения); в других языках — одновременно и к субъекту, и к объекту (эргативная конструкция предложения). При этом указанные структурные особенности языка никак не связаны с тем, агглютинативным или флективным является данный язык. Они обусловлены исключительно системой грамматических категорий» (Скорик 1975, 125). Автор статьи прав в том отношении, что от самого морфологического приема данные грамматические значения не зависят, но если они передаются за пределами морфологии средствами синтаксиса, или находят свое отражение в лексико-синтаксических конструкциях, то это выходит за пределы морфологической парадигматики, и мы попадаем в другой цикл строевых закономерностей данного языка.

Поскольку, как указывалось выше, лексико-грамматические разряды связаны с определенными, хотя и не для всех языков одинаковыми грамматическими категориями, то очевидно, что для выделения частей речи в данном языке необходимо учитывать и лексические, и морфологические, и синтаксические признаки. Их относительный вес в каждом отдельном случае зависит от типологии данного языка. Возвращаясь к материалу тюркских языков, надо указать, что проблема выделения частей речи всегда была предметом острых споров в среде тюркологов, поскольку «неравномерность морфологического развития именных частей речи как в рамках одного языка, так и в пределах всей группы тюркских языков»

(Севортян 1955, 189) создавала значительные объективные трудности для нахождения приемлемых решений. В зависимости от рассматриваемой части речи на первый план выдвигался то семантический, то морфолого-деривационный, то (реже) синтаксический критерий. «Горячими точками» споров были в первую очередь сомнения, существуют ли в тюркских языках прилагательные как самостоятельная часть речи, как отделять наречия от имен в тех случаях, когда отсутствуют специальные деривационные аффиксы, надо ли личные (именные) глагольные формы включать в парадигматику глагола или считать их отдельными разрядами, и т. д.

Четкая постановка вопроса о частях речи, данная Н. А. Баскаковым на материале каракалпакского языка (Баскаков 1952), и попытка Э. Я. Севортяна дать историко-эволюционную трактовку для частей речи в тюркских языках (Севортян 1955) во многом способствовали прояснению данной проблемы, но что должен делать лингвист-контрастивист в подобной ситуации? Турецкое *can boğu* вполне укладывается в английскую модель *a glass tube*, но несводимо по структуре с русским *стеклянная трубка*. Ясно, что при сопоставлении двух языков приходится учитывать как специфику их типологии, так и категориальные признаки явления, подлежащего контрастивному анализу, но часто пожелания легче высказать, чем реализовать на практике.

Комплексность взаимосвязанных критериев бывает часто настоятельно необходимой для решения спорных вопросов. Подводя итоги рассмотрению вопроса о частях речи Э. В. Севортян пишет: «Признаки определения и классификаций частей речи — семантический (в изложенном выше понимании), морфологический и синтаксический — все относятся к грамматике и составляют известное единство. В грамматическом характере определения и классификации частей речи проявляется природа частей речи как группировки слов по их общим грамматическим свойствам... критерии классификации частей речи, взятые в отдельности, недостаточны для распределения слов по грамматическим классам. При всей их важности еще большее значение имеет соотношение классификационных критериев, без чего неизбежно выдвигание на передний план одного из них, а отсюда неизбежна односторонняя ориентация в учении о частях речи» (Севортян 1955, 220).

Следует добавить, что при контрастивном анализе, который начинается неизбежно с несколько одностороннего подхода, если мы соблюдаем принцип «выделение особенного на базе сходного», важную роль играет включение рассматриваемого языкового факта в ряд явлений, ему сопредельных, т. е. в некоторую микросистему. Нам уже приходилось раньше писать о том, что турецкие атрибутивные конструкции типа *cam boga* 'стеклянная трубка, на первый взгляд полностью совпадающие с английской моделью «существительное+существительное», по своему месту в системе атрибутивных отношений каждого из взятых языков весьма различны. Отношение к материалу в английском языке может быть передано не только соположением имен, из которых первое выступает в роли определения, но и посредством предложного оборота: *a glass tube — a tube of glass* 'трубка из стекла'. Значение принадлежности в широком смысле этого слова имеет для определенных разрядов существительных корреляцию предложного оборота и падежной формы — *town gate, the gate of my native town, the house of my father, my father's house* 'городские ворота', 'ворота моего родного города', 'дом моего отца'. В турецком языке семантическое отношение вышеприведенного примера может быть передано в рамках изафета первого типа: *taş duvar* 'каменная стена' (букв. 'камень+стена') — *taştan duvar* 'стена из камня', где существительное—определение стоит в исходном падеже (Ярцева 1965, 110).

Сказывается ли при сопоставлении отдельных явлений двух сравниваемых языков (не при сопоставлении грамматических систем в целом) специфика этих языков? По-видимому, это неизбежно. Именно поэтому мы скептически относимся к идее универсальной контрастивной грамматики. Теоретические основания, сами принципы контрастивного анализа должны быть едиными, но «парные» контрастивные грамматики неизменно выступают как индивидуализированные. Мнение некоторых тюркологов, что неличные формы глагола (типа причастий и других отглагольных именных образований) надо считать самостоятельным разрядом, не включать их в глагольную парадигму и признавать за ними возможность быть предикатами придаточных предложений, легко найдет отклик в среде англистов, поскольку широкое использование предикативных оборотов с причастиями, инфинитивом и особенно с герундием является характерной

чертой современного английского языка, а включение в качестве семантического и синтаксического расширения дополнительных зависимых слов едва удерживает эти обороты в рамках простого предложения. Однако для **специалиста по русскому языку**, в котором придаточное предложение определяется разнообразием подчинительных союзов и личной формой глагола в качестве сказуемого зависимого предложения, причастные конструкции тюркских языков будут выглядеть как семантические эквиваленты, но не как структурные корреляты.

В одной из своих статей Л. А. Покровская очень четко излагает спорную для тюркологии проблему определения грамматической сущности и синтаксических функций причастных, деепричастных и отглагольно-именных (масдарных) конструкций (Покровская, 1976). Перечисляя три основные точки зрения на синтаксические функции данных форм, автор справедливо замечает, что «проблема разграничения в тюркских языках придаточных предложений и причастных, деепричастных и отглагольно-именных оборотов в общей сложности сводится к вопросу о том, могут ли неличные формы глагола выполнять функцию сказуемого зависимого предложения» (Покровская 1976, 126). Давая собственное решение природы разбираемых ею форм, оценка релевантности которого — дело специалистов-тюркологов, автор указанной статьи, по нашему мнению, в плане общезыковедческой проблематики предельно точно формулирует самую суть спорного вопроса, важного не только для тюркских, но и для других языков мира.

Каковы пределы синтаксических функций отдельных частей речи и насколько эти части речи скованы своими морфологическими парадигмами? Когда проводится контрастное исследование грамматики русского языка с его по меньшей мере десятью частями речи (те из русских, которые считают причастия и деепричастия особыми частями речи, возводят это число до двенадцати) и индонезийского языка, большинство исследователей которого, следуя традициям арабских грамматик, выделяет три части речи (имя, глагол и частицы), то, естественно, возникает проблема их соотносительности. Трудность состоит не в том, что, например, в глаголе индонезийского языка морфологически не выражены те грамматические категории, которые в русском языке характеризуют глагол как особую часть речи, а в том, что многие грам-

матические значения распределяются в индонезийском языке вообще иначе, чем в языках типа русского. Составители «Грамматики индонезийского языка», применяя, главным образом, критерий сочетаемости—несочетаемости, выделяют среди полнозначных слов два больших класса — существительные и предикативы. В отношении сопоставления с русским языком наиболее примечательным (хотя, по-видимому, оправданным) является дальнейшее подразделение предикативов на подклассы: переходные глаголы, непереходные глаголы и прилагательные (Алиева и др. 1972, 108—109).

Среди синтаксических признаков указанных трех подклассов предикативов наличие словоизменятельных категорий залога и лица (только в страдательном залоге) для переходных глаголов и словоизменятельной категории степеней качества и сравнения для прилагательного служит морфологическим подтверждением обоснованности этих подклассов у знаменательных частей речи. Однако сам перечень этих значений показывает их весьма слабую сводимость с категориями эквивалентных частей речи в русском языке. Категория времени в индонезийском глаголе не маркирована: *saja duduk* 'я сижу / я сидел'; время действия понимается из контекста или указывается специальными лексемами: *Habis bekerdja kami pulang* 'после того как окончили работать, мы пошли домой' (*habis* — означает 'завершено', 'завершено'). Модальность выражается контекстом — сам глагол морфологических форм для склонения не имеет. Категория числа в глаголе не отражается, категория лица, как указывалось выше, имеет ограниченный характер — она выражена в рамках страдательного залога и отсутствует в действительном залоге.

Противопоставление действительного и страдательного залогов отражено в индонезийском непоследовательно, так как, во-первых, понятие страдательного залога передается как нулевой формой (т. е. основой) глагола, так и формой глагола с префиксом *di-*, а, во-вторых, форма действительного залога может не иметь характерного префикса *me-* и, следовательно, тоже совпадает с основой глагола (его нулевой формой). Будучи по своей типологической характеристике языком апалитически-агглютинативного типа индонезийский язык широко использует аффиксацию (главным образом префиксального типа), но так как одни и те же аффиксы часто совмещают

функции элементов словообразовательных и формообразующих, то их грамматическая фиксация весьма затруднительна (Алиева и др. 1972, 113).

На каких же основах должно строиться контрастивное сопоставление грамматических процедур русского и индонезийского? Можно ли при такой разности морфологических парадигм, которая была выше иллюстрирована индонезийским глаголом, прибегать к парадигматике синтаксической? Безусловно, в обоих языках есть части речи, функционирующие в качестве членов предложения, однако приходится тщательно учитывать различие тех приемов, которые используются в том или ином языке как средство синтаксической связи слов в предложении.

Авторы «Теоретической грамматики современного китайского языка» совершенно справедливо указывают, что «разбиение языков в существующей типологической классификации языков на изолирующие, флективные и агглютинативные фактически базируется на разных основаниях. Понятие изоляции, с одной стороны, и понятие агглютинации и флексии, с другой стороны, — разноплановые явления. Если понятие агглютинации и флексии — это характеристика строения слова с точки зрения техники соединения знаменательных и служебных морфем в слове, то понятие изоляции — это характеристика способа выражения отношений между словами, но не особенностей строения слова. Соответственно изоляция есть синтаксическое понятие, а агглютинация и флексия — морфологическое» (Солнцева 1979, 15). Авторы указывают далее, что подобно китайскому и в индонезийском агглютинация не используется для передачи синтаксических отношений. Это безусловно так.

Если согласиться с мнением специалистов, что в современном китайском языке представлены агглютинативные формы слов (не связанные с выражением синтаксических отношений), то возможно, что все же в индонезийском для формообразования агглютинация используется шире, чем в китайском, хотя это, разумеется, может выявить только специальное исследование. Важно другое. В таком языке, как русский флективные формы используются как в пределах морфологической парадигматики для выражения грамматических значений, так и для передачи синтаксических отношений между словами — членами предложения. Следовательно, «типологическое расстояние» между грамматическим строем русского

и индонезийского языков весьма значительно и требует при контрастивном исследовании всестороннего учета специфики каждого языка. Опыта в данном отношении у контрастивной лингвистики мало. Вследствие ее педагогических истоков, контрастивные исследования чаще оперировали материалами традиционных «школьных» иностранных языков в сопоставлении с языками, родными для учащегося, так что контрастивное исследование (не типологическое на базе языковых универсалий, а именно контрастивное) индонезийского и китайского или индонезийского и японского — это дело будущего.

Чтобы закончить вопрос о роли деления на части речи для контрастивного анализа в плане того «внутреннего» парадигматического содержания данной части речи и дополнения или реализации этого содержания тем, что можно было бы назвать «внешними» связями членов данного лексико-грамматического разряда, необходимо обратиться еще к разбору одной специфической черты данных классов слов, а именно, возможности существования подклассов или подразрядов, т. е. каких-то более дробных подразделений. Явление это хорошо известно грамматистам. Прилагательные качественные и относительные, существительные отвлеченные и вещественные и так далее ведут себя по-разному в грамматическом отношении. Совпадение или несовпадение подобных подразрядов в сопоставляемых языках и однородность или, наоборот, разница в охвате их одними и теми же грамматическими категориями — все это проблемы, очень важные для контрастивной лингвистики. Простейшим примером может служить различная реакция существительных отвлеченных на категорию числа в русском и английском языках. Русское *красота* и английское *beauty* совпадают в своем отвлеченно-качественном значении. Но во множественном числе русское *красоты* получает новое предметное значение, никак не коррелирующее с английским *beauties*, что должно скорее переводиться как 'красотки'. Русское *длинные* по отношению к *длина* имеет другое значение, но английское *length* 'длина' вообще не может образовать множественного числа.

Прежде чем разбирать различные соотношения между подразядами классов слов в сопоставляемых языках, необходимо выяснить само понятие «подразяда». Наиболее плодотворными в этом плане нам представляются идеи, высказанные в 1960 г. А. А. Холодовичем в его

статье «Опыт теории подклассов слов». Указывая на то, что группировка элементов подклассов каких-либо единиц может проводиться на основании различных признаков: чисто прагматического (например, распределение всех слов по рифмам или в порядке алфавитном), формального или морфологического (например, по наличию морфемы *-щик* — *каменщик*, *барбанищик* и т. д.), автор считает, что прибегая к значениям, можно легко проследить совмещенные и несовмещенные значения, где последние являются вместе с тем распределенными, так как «значение S_1 присуще одной части лексем, оформленных морфемой m ; значение S_2 присуще другой части лексем, оформленных той же морфемой» (Холодович 1979, 230). Следовательно, устанавливается определенное соотношение между расчленением элементов того или иного класса на подклассы, основанное на функциональной зависимости между этими подклассами и распределением грамматических значений. В противоположность формальным подклассам подклассы с парадигматической валентностью, как их называет А. А. Холодович, отличаются тем, что если формальные подклассы выделены в плане выражения, то парадигматические подклассы выделяются в плане значения.

Для целей контрастивного сравнения нам представляется очень плодотворной мысль автора статьи, что «разбиение на подклассы производится не по единичному признаку, а по совокупности признаков, или, иначе, по пучку признаков» (Холодович 1979, 232).

Правильно подмечено, что совокупность признаков играет важную роль там, где наблюдается распределение значений в каждом отдельном случае особое, не совпадающее в полной мере. Как раз подобные ситуации типичны для сравнения отдельных подклассов более крупных групп (например частей речи) по материалам различных языков. Совпадающие по своим общим семантическим и грамматическим контурам, но не совпадающие по всем признакам своего выделения, подклассы в двух сопоставляемых языках типичны не только для языков, далеких по своим строевым показателям (как, например, русский и индонезийский), но даже и для языков, связанных генетическим прошлым. Детальный анализ отдельных совокупностей единиц, образующих подразряды (подклассы) внутри лексико-грамматических разрядов, в плане контрастивной грамматики поможет уста-

повлечию тех возможных «функциональных возмещений», когда отсутствие данного подразряда в том или ином языке восполняется за счет использования единиц другого подразряда, близкого по отдельным семантическим показателям.

Многое из того, что было сказано выше по поводу роли учения о частях речи для контрастивного анализа, имеет неизбежно известную типологическую направленность. Как мы неоднократно констатировали, хотя контрастивная лингвистика имеет свои задачи и свою область исследования, пограничные с ней области общей типологии могут оказаться полезными и должны быть учтены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учет структуры грамматических подсистем сравниваемых языков имеет если не решающее, то очень важное значение при контрастивном исследовании. Не следует полагать, что связанные с этим проблемы касаются только форм языка и тем более вредно думать, что можно игнорировать структурные характеристики парадигматических объединений, убоившись формализма. Организация содержания грамматических категорий и семантические связи между лексико-грамматическими разрядами (частями речи) получают свою реализацию в первую очередь в морфологии. Поэтому сопоставление языка, имеющего разветвленную именную парадигму (например, русского), с языком, обладающим очень сжатой парадигмой имени (например, с английским, с его двумя надежными формами существительного и неизменяемым в пределах склонения прилагательным), должно предусматривать вовлечение синтаксического уровня для полноты выражения не только тех значений, которые обычно принадлежат сфере синтаксиса, но и таких, которые в ряде языков эксплицитно выражены в морфологической парадигме. Из этого не следует, что границы морфологии и синтаксиса стираются при контрастивных исследованиях.

Следует подчеркнуть, что понятие аналитического строя, традиционно противопоставляемого строю флективному (большое количество контрастивных работ в данном направлении, видимо, объясняется педагогическими задачами изучения современных западноевропейских языков аналитического типа), имеет несколько иной вид при обработке материала агглютинативных языков. Элементы аналитизма в морфологии агглютинативных, флективных или языков, характеризующихся инкорпорацией, распределяются по-разному, и это существенно не только для морфологической парадигматики, но и для таких примыкающих областей, как словообразование. Последнее обстоятельство было хорошо выявлено в серии работ контрастивного направления при сопоставлении венгерского с английским,

проведенных в Венгрии в осуществление проекта контрастной англо-венгерской грамматики. При контрастивном исследовании синтаксиса приходится иметь в виду а) логико-грамматическую модель предложения, имеющую более или менее абстрактный характер (отношение субъект — предикат), б) воплощение синтаксической схемы предложения в морфологически оформленных единицах морфологического уровня, в) актуальное членение предложения в его коммуникативной направленности, г) лексическое наполнение синтаксической модели, особенно для случаев лексического или контекстуального разрешения синтаксической омонимии.

Все вышеуказанные вопросы особенно сложны при сопоставлении типологически далеких языков. Однако, по нашему мнению, связи синтаксиса с морфологией и с лексикой осуществляются главным образом через посредство словосочетания, являющегося структурной единицей для синтаксиса, но не являющегося единицей языка. Абстрактность модели предложения делает необходимым для наблюдения своеобразия сопоставляемых языков проводить этапы его рассмотрения по линии «морфология — словосочетание — синтаксис предложения».

Уже из многого, что было сказано выше, явствует, что при контрастивной грамматике как цели исследования некоторые вопросы лексики не могут быть обойдены при соблюдении принципа — синтез формы и содержания. Однако надо отвергнуть тенденцию, проявляющуюся в некоторых работах контрастивного характера, путем лексической перефразировки устанавливать для всех языков одни и те же категории и понятия. Синонимическая замена одной конструкции на другую, как способ сличения их содержания, может проводиться при сопоставлении двух языков в рамках, допустимых спецификой их грамматического строя. Поэтому грамматика, имея примыкающие к ней зоны лексики (морфология через посредство частей речи, как лексико-грамматических разрядов, синтаксис через посредство синтаксической валентности лексических единиц), при контрастивной характеристике сопоставляемых языков остается главной областью исследования и не должна растворяться в других сферах системы языка.

Если в работах по общей типологии иногда выражалось сомнение по поводу возможности типологического анализа родственных языков, то для контрастивной грамматики эти вопросы в подобной плоскости никогда не ста-

вились. Имеется довольно много работ по частным темам грамматики с сопоставлением материала французского и немецкого, английского и итальянского, английского и немецкого и т. д. Наряду с этим (особенно в последние годы) появилось много работ по контрастивному исследованию генетически и типологически далеких языков (например, русский и различные тюркские языки, французский и венгерский и т. д.). Если метод контрастивного анализа определяется спецификой и целенаправленностью этого последнего, то возникает вопрос, может ли сам сопоставляемый материал различных языков играть роль и оказывать влияние на результаты работ в области контрастивной лингвистики. Решение этой проблемы важно потому, что она связана с выяснением удельного веса, с одной стороны, содержательных грамматических категорий (сходство между сравниваемыми языками, например, в сфере категорий глагола вид — время — модальность) и, с другой стороны, языковыми приемами (аналитизм конструкций языка в противоположность синтетическим флективным процедурам).

Исследование показало, что в родственных, особенно близкородственных языках многие семантико-грамматические сферы накладываются одна на другую и различия идут главным образом в пределах внутреннего деления подсистем, при некоторой вариантности их лексического наполнения (например, общая сфера модальности нереализованного действия с различным числом модальных глаголов в немецком и английском языках). Формальные средства выражения грамматических значений могут варьироваться (например, флективность парадигмы существительного в русском и аналитичность в болгарском языке). Однако могут быть случаи семантической и формальной несходности категории, которая в плане более общего понятия имеет черты подобия (например, категория определенности — неопределенности в языках, имеющих артикль, и языках, передающих это понятие в пределах широкого синтаксического контекста). Для языков, генетически не родственных, может отмечаться (при некоторой части общих для языков понятий) неадекватность отдельных грамматических подсистем и значений, что вынуждает обращаться при контрастивном исследовании таких языков к большим отрезкам (или текстам) сопоставляемого материала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акимова 1978 — *Акимова Т. Г.* О ядре и периферии функционально-семантического поля аспектуальности во французском и английском языках.— В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Алшева и др. 1972 — *Алиева П. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирж Ю. Х.* Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
- Баскаков 1952 — *Баскаков П. А.* Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. М., 1952.
- Бондарко 1978 — *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Гак 1977 — *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
- Грам. рус. языка 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Гурычева 1964 — *Гурычева М. С., Катагощина П. А.* Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская подгруппа. М., 1964.
- Димитрова 1978 — *Димитрова Л.* За граматичния род на съществителните в руския и българския език.— Съпоставително езиковедение, 1978, № 5.
- Есперсен 1958 — *Есперсен О.* Философия грамматики. Перев. с англ. М., 1958.
- Козинцева 1978 — *Козинцева Н. А.* Сопоставительный анализ видовых значений в глагольных формах английского и русского языков.— В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Лайонз 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Маслов 1978 — *Маслов Ю. С.* К основаниям сопоставительной аспектологии.— В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Москальская 1956 — *Москальская О. И.* Грамматика немецкого языка (теоретический курс). Морфология. М., 1956.
- Норман 1976 — *Норман В. Ю.* Система указательных местоимений в белорусском и болгарском языках.— Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици, 1976, № 5.
- Покровская 1976 — *Покровская Л. А.* К вопросу о личных и неличных формах глагола в тюркских языках.— В кн.: Turcologica. Л., 1976.
- Севортян 1955 — *Севортян Э. В.* К проблеме частей речи в тюркских языках.— В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Семантическое и формальное варьирование.— В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Скорик 1968 — *Скорик П. Я.* Чукотский язык.— В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.

- Скорик 1975 — *Скорик П. Я.* Грамматическая категория и структурный тип языка. (На материале инкорпорирующих языков).— В кн.: Типология грамматических категорий. М., 1975.
- Солнцева 1979 — *Солнцева Н. В., Солцев В. М.* Теоретическая грамматика современного китайского языка. (Проблемы морфологии). М., 1979.
- Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. М., 1964.
- Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. М., 1972.
- Холодович 1979 — Опыт теории подклассов слов.— В кн.: *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Щерба 1939 — Русско-французский словарь. Сост. Л. В. Щерба и М. И. Матусевич. Под общей ред. Л. В. Щербы. М., 1939 (предисловие).
- Щерба 1947 — *Щерба Л. В.* 1947. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.— Л., 1947.
- Ярцева 1960 — *Ярцева В. И.* Историческая морфология английского языка. М., 1960.
- Ярцева 1965 — *Ярцева В. И.* О понятии морфологического типа языка.— В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.— Л., 1965.
- Ярцева 1976 — *Ярцева В. И.* Морфологизованные и неморфологизованные значения в разноструктурных языках.— В кн.: *Typologica*. Л., 1976.
- Ярцева 1980 — *Ярцева В. И.* «Языковый тип» среди сопредельных понятий.— В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
- Barrutia 1967 — *Barrutia R.* Dispelling the myth.— *Modern language journal*. LI, 1, 1967.
- Boléo 1936 — *Boléo M. de P.* O perfeito e o pretérito em português em confronto com as outras linguas românicas. Coimbra, 1936.
- Bouma 1975 — *Bouma L.* On contrasting the semantics of the modal auxiliaries of German and English.— *Lingua*, 1975, № 37.
- Boileau 1946 — *Boileau A.* Le problème du bilinguisme et la théorie des substrats.— *Revue des langues vivantes*, t. 12, 1946.
- Cleveland 1960 — *Cleveland H., Mangone G. J., Adams J. C.* The overseas Americans. New York, 1960.
- Cochrane 1978 — *Cochrane N.* The translation of the Present Perfect into Serbo-Croatian and implications for the analysis of the Present Perfect in English.— *Proceedings of the fourth annual meeting of the Berkeley linguistic society*. Berkeley, California, 1978.
- Dezsö 1975 — *Dezsö L.* Some remarks on the application of typology in contrastive linguistics.— *Modern linguistics and language teaching*. Budapest, 1975.
- Di Pietro 1971 — *Di Pietro R. J.* Language structures in contrast. Rowley, Mass. 1971.
- Filipovič 1971 — *Filipovič R.* The Yugoslav Serbo-Croatian-English contrastive project.— In: *Papers in contrastive linguistics*, ed. by Gerhard Nickel. Cambridge, 1971.
- Fries 1945 — *Fries Ch. C.* Teaching and learning English as a foreign language. Ann Arbor, 1945.
- Grannis: Anglia 1978 — *Grannis O. C.* Ernst Burgschmidt, Dieter Götz. Kontrastive Linguistik Deutsch / Englisch. Theorie und Anwendung. München, 1974. Anglia, Bd. 96, Heft 1/2, 1978.

- Haarman 1976 — *Haarman H.* Grundzüge der Sprachtypologie. Stuttgart, 1976.
- Halliday и др. 1964 — *Halliday M. A. K., McIntosh A., Strevens P.* The linguistic sciences and language teaching. London, 1964.
- Haugen 1953 — *Haugen E.* The Norwegian language in America; a study in bilingual behavior. Philadelphia, 1953.
- Herzlik 1976 — *Herzlik B.* Some notes on the Present Perfect.— In: Brno studies in English, v. 12, 1976.
- James 1971 — *James C.* The exculpation of contrastive linguistics.— In: Papers in contrastive linguistics, ed. by Gerhard Nickel. Cambridge, 1971.
- Kelemen 1974 — *Kelemen J.* Mode d'action et aspect verbal en description contrastive.— In: Etudes contrastives sur le français et le hongrois. Debrecen, 1974.
- Lado 1957 — *Lado R.* Linguistics across cultures. Syntactic structures. (Applied linguistics for language teachers). Ann Arbor, 1957.
- Lindgren 1957 — *Lindgren K. B.* Über den oberdeutschen Präteritumschwund. Helsinki, 1957.
- Nickel 1970 — *Nickel G.* The interaction between English and other languages.— The Incorporated linguist, 1970, № 9.
- Nickel 1971 — *Nickel G.* Contrastive linguistics and foreign language teaching.— In: Papers in contrastive linguistics, ed. by Gerhard Nickel. Cambridge, 1971.
- Overbeke 1972 — *Overbeke M.* van. Introduction au problème du bilinguisme. Bruxelles-Paris, 1972.
- Perrot 1974 — *Perrot J.* Le fonctionnement de l'article en français et en hongrois: problématique d'une description contrastive.— In: Études contrastives sur le français et le hongrois. Debrecen, 1974.
- Quirk и др. 1972 — *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. London, 1972.
- Sebüktekin 1971 — *Sebüktekin H.* Turkish-English contrastive analysis. The Hague-Paris, 1971.
- Stephanides 1974 — *Stephanides E.* A contrastive study of the English and Hungarian article. (The Hungarian-English contrastive linguistics project. Working papers). Budapest, 1974.
- Tesnière — *Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.
- Trnka 1930 — *Trnka B.* On the syntax of the English verb from Caxton to Dryden.— Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1930, № 3.
- Ullian 1972 — *Ullian R.* The nature of Future Tenses.— Working papers on language universals, Stanford, 1972, № 8.
- Weinrich 1977 — *Weinrich H.* Tempus. Besprochene und erzählte Welt. 3 aufl. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1977.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава первая	
МЕСТО КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ СРЕДИ ДРУГИХ РАЗДЕЛОВ НАУКИ О ЯЗЫКЕ	4
Глава вторая	
ГРАММАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ СТРУКТУРЫ ЯЗЫ- КА И МЕТОДЫ ЕГО АНАЛИЗА	32
Глава третья	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКИ РОДСТВЕННЫХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИ СХОДНЫХ И НЕСХОДНЫХ ЯЗЫКОВ	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	105
БИБЛИОГРАФИЯ	108